

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ЗАБАЙКАЛЯ В 1650–1680-Х ГОДАХ

АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ЗУЕВ

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия
zuev@lab.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>

Аннотация. На основе анализа архивных и опубликованных делопроизводственных источников рассматривается процесс конструирования административно-территориального устройства Забайкалья (и отчасти Приамурья) в 1650–1680-х годах. Исправляются многочисленные неточности и ошибки, присутствующие в историографии в освещении этого процесса, выясняется социальный, административный и должностной статус забайкальских управленцев, определяются даты образования и существования Нерчинского (с 1680 г.), Селенгинского (1680–1683 гг.), Албазинского (1683–1686 гг.) и Иркутского (с 1688 г.) уездов, описывается система местного управления забайкальским регионом, обозначаются факторы, обусловившие ее трансформацию, связанные в первую очередь с характером взаимоотношений России с Монголией и Цинским Китаем и изменением военно-политической ситуации в Забайкалье и Приамурье.

Ключевые слова: административно-территориальное устройство Забайкалья, Нерчинский уезд, Селенгинский уезд, Иркутский уезд.

Для цитирования

Зуев А. С. Административно-территориальное устройство Забайкалья в 1650–1680-х годах // *Universum Humanitarium*. 2025. № 2. С. 26–62. DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-26-62

ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL STRUCTURE OF TRANSBAIKAL IN THE 1650–1680

ANDREY S. ZUEV

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
zuev@lab.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>

Abstract. This study examines the development of the administrative-territorial structure of Transbaikal, and to some extent, the Amur region, between the 1650s and 1680s, drawing on archival and published administrative sources. It corrects numerous inaccuracies and errors found in historiography concerning this process. The social, administrative, and official status of the Transbaikal administrators is clarified, and the formation and duration of several districts — Nerchinsk (from 1680), Selenginsk (1680–1683),

Albazin (1683–1686), and Irkutsk (from 1688) uyezds (districts) — are determined. Furthermore, the local governance system in the Transbaikal region is described, alongside the factors that contributed to its transformation. These factors primarily pertain to Russia's relationships with Mongolia and Qing China, as well as the changing military-political situation in Transbaikalia and the Amur region.

Keywords: administrative and territorial structure of Transbaikal, Nerchinsk district, Selenginsk district, Irkutsk district.

For citation

Zuev A. S. Administrative and Territorial Structure of Transbaikal in the 1650–1680. *Universum Humanitarium*, 2025, no. 2, pp. 26–62. (In Russ.). DOI 10.25205/2713-1165-2025-2-26-62

Присоединение Россией Забайкалья, осуществленное во второй половине XVII в., привело к распространению на эту территорию российской системы управления и административно-территориального деления, апробированных ранее в иных регионах Сибири. И хотя исследований, специально посвященных формированию местной структуры российской власти в Забайкалье, не имеется, тем не менее этот процесс в общих чертах описан в исторической литературе. Однако, как будет показано ниже, в ней приводится разная хронология одних и тех же событий, да и сами события оцениваются и квалифицируются по-разному. Кроме того, внимательное прочтение источников дает основание утверждать, что в историографии нередко дается поверхностное, неточное и даже ошибочное описание исторических реалий. И эту ситуацию следует исправлять.

В настоящей статье на основе анализа опубликованных и неопубликованных (архивных) делопроизводственных документов будет рассмотрен ряд проблем, решение которых позволит дать ясное представление о том, как осуществлялось конструирование верхнего (уездного) уровня местных властных институтов, под контролем которых оказалась территория Забайкалья в 1650–1680-х годах. Но прежде чем переходить к изложению конкретики, обозначим (правда, без детализации) те моменты, которые представляются важными для понимания административно-территориального устройства Сибири по российской «модели».

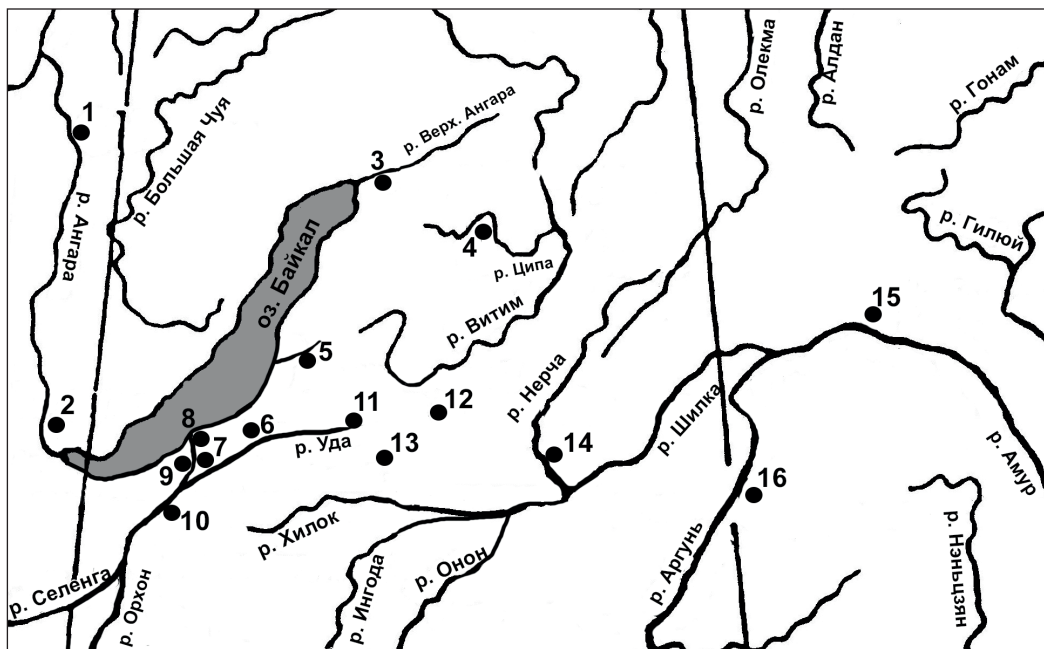
Во-первых, в Сибири (по мере ее присоединения в конце XVI – начале XVIII в.) вводилось административно-территориальное деление на уезды. Однако никаких нормативно-правовых актов, регламентировавших условия и критерии создания уездов и их формат (в том числе внутриуездные административно-территориальное деление и систему управления), в Российском государстве в то время не существовало. В делопроизводственной документации по управлению Сибирью не встречается каких-либо рассуждений и какой-либо рефлексии по поводу того, в силу каких обстоятельств создан тот или иной уезд и почему именно в таком территориальном размере. По этой причине остается неизвестно, обсуждали ли вообще в центральных органах – приказах, ведавших Сибирью (до 1596 г. – в Посольском, с 1596 г. – в Новгородском

(Новгородская четь), с 1599 г. — в Казанском, с 1637 г. — в Сибирском), систему управления присоединенными территориями или же их деление на уезды происходило «естественным» путем, как и в европейской части страны¹. Где-то возводился укрепленный пункт (острог), в нем размещался гарнизон служилых людей, которые осуществляли сбор дани-ясака с окрестного автохтонного населения, этот ясак доставлялся в острог, а из него отправлялся в Москву, соответственно острог располагался на более-менее удобных путях коммуникации (для XVII в. преимущественно речных). Данный острог, став главным пунктом концентрации собранного ясака и контроля населения определенной «землицы», превращался в центр уезда и мог получить официальный статус города, а уездом становилась территория, на которой обитало население, обложенное ясаком, поступавшим в этот центр. Еще одним фактором, способствовавшим превращению острога в уездный центр, было также его стратегическое положение, обеспечивавшее оборону российских владений, особенно это было актуально на южных рубежах Сибири, вблизи которых обитали кочевники, нередко вступавшие в вооруженную конфронтацию с русскими. В дополнение к «центральному» острогу / городу на подведомственной ему территории могли быть основаны еще несколько опорных баз — острогов, острожков, зимовий, из которых осуществлялся сбор ясака (такая ситуация была характерна в основном для регионов Восточной Сибири). Внутри же сибирских уездов сложилась разнообразная конфигурация административно-территориальных единиц — ясачные (автохтонные) волости, улусы, роды, юрты и т. д., а также волости и слободы, населенные русскими колонистами.

Во-вторых, превращение определенной территории в уезд в XVII в. было четко связано с назначением в главный острог / город (главный пункт сбора ясака) данной территории воеводы (или двух воевод) по распоряжению из центрального органа, управлявшего Сибирью, причем, как правило, он / они присылались из Москвы², а также с отправкой в этот острог / город «уездной» государевой печати. Соответственно, присутствие воеводы / воевод и наличие государевой печати являлись главным критерием возникновения и существования уезда как официальной административно-территориальной единицы. В целях повышения эффективности и оперативности управления (прежде всего в военной сфере) несколько соседних уездов объединялись в военно-административные «округа» — разряды во главе с разрядным воеводой. Последним по указанию из Москвы становился воевода того уезда, который правительство признавало самым важным в стратегическом отношении.

¹ Б. Н. Чичерин в своем исследовании показал, что в Московском государстве XVII в. отсутствовала унификация местного государственного управления, которое «не представляло правильной, однообразной системы, а было накоплением разнородных наростов», поскольку «почти все совершалось не на основании общих соображений, а частными мерами... По мере появления случайной практической потребности делалось в одном месте одно распоряжение, в другом иное... Все это перемешивалось без всякого порядка, без всякой системы... Способов управления было много, и каждый избирался по местному удобству и по случайным соображениям» [Чичерин, 1856. С. 71, 577–579].

² Случалось, но редко, что воеводу из одного уездного центра могли перевести в другой уездный центр.

Илл. 1. Русские остроги в Забайкалье в 1650–1680-х годах

Fig. 1. Russian ostrog fortresses in Transbaikalia, 1650s – 1680s

1 Илимский	5 Баргузинский	9 Ильинский	13 Иргенский
2 Иркутский	6 Итанцинский	10 Селенгинский	14 Нерчинский
3 Верхнеангарский	7 Удинский	11 Еравненский	15 Албазинский
4 Баунтовский	8 Кабанский	12 Телембинский	16 Аргунский

На протяжении XVII в. в Сибири существовали Тобольский, Томский, Ленский (Якутский), Енисейский, Верхотурский разряды. Появление уездных воевод не исключало, однако, того, что в уже существовавшие уездные города / остроги могли (в случае смерти, перевода в другой уезд или отставки по каким-то причинам действовавшего воеводы) назначить временно исполняющего обязанности воеводы. Эти врио воеводы назначались разрядными воеводами из числа письменных голов (помощников воевод), высших чинов сибирских служилых людей (стрелецких и / или казачьих голов, детей боярских, дворян) и своих ближайших родственников, бывших с ними в Сибири. В единичных случаях подобное назначение могло последовать из Москвы. Свои временные обязанности эти лица выполняли до прибытия в уездный центр нового воеводы. Территория же, подведомственная какому-либо острогу / городу и не имевшая воеводу, не считалась уездом, ей управляли приказчики / приказные люди, назначаемые уездным или разрядным воеводой из числа служилых людей³.

³ О формировании системы управления Сибирью в конце XVI – XVII в. см.: [Копылов, 1965; История Сибири, 1968. С. 124–138; Александров, Покровский, 1991. С. 107–141; Вершинин, 1998.

Перейдем теперь к рассмотрению формирования административно-территориального устройства Забайкалья, начав с его восточной части, которая первой активно стала осваиваться русскими землепроходцами. По мнению некоторых исследователей, уже в середине 1650-х годов в связи с назначением и прибытием в Восточное Забайкалье воеводы А. Ф. Пашкова здесь был образован Нерчинский / Даурский уезд, в который вошло также Приамурье. Даются, однако, разные датировки этого события: 1654 г. [Внешняя политика, 1977. С. 286; История северо-восточного Китая, 1987. С. 140; Трухин, 2020а. С. 153; 2023а. С. 30], 1656 г. [Долгих, 1960. С. 326, 327; РКО, 1972. С. 764; Леонтьева, 2012. С. 27, 28] или 1658 г. [Долгих, 1960. С. 183; Энциклопедия Забайкалья, 2002. С. 149]. В исторической литературе встречается и неопределенная позиция по поводу возникновения данного уезда. Так, В. А. Александров писал, что «в 1658 г. был основан Нерчинский острог, ставший административным центром Нерчинского уезда», и «во второй половине XVII в. ... Восточное Забайкалье, за Яблоновым хребтом, стало западной частью Нерчинского уезда», не уточнив, однако, когда же появился собственно Нерчинский уезд, хотя при этом управление в Забайкалье и Приамурье называл «воеводским» [Александров, 1984. С. 20, 33].

Многие историки с прибытием в Восточное Забайкалье в 1657 г. упомянутого Пашкова связывали появление «воеводства в Даурской земле / Приамурье», «нерчинского / даурского воеводства» (но не собственно уезда) [Андриевич, 1887. С. 39, 41, 43, 46; Разумов, 1899. С. 18; РКО, 1969. С. 14; Христосенко, 1977. С. 154; Артемьев, 1999. С. 37, 39, 47; 2006. С. 5–6; История Бурятии, 2011. С. 49; Иркутский край, 2012. С. 26; Багрин, 2024. С. 141, 170, 171, 172]⁴. При этом они не поясняли, какой именно смысл вкладывают в понятие «воеводство», хотя из контекста изложения ими фактического материала следует, что под «воеводством» они подразумевали не столько процесс управления, сколько административно-территориальную единицу, не обращая при этом внимание на то, что никаких таких единиц, называвшихся «воеводствами», в XVII в. не существовало. И данное обстоятельство, видимо, и обусловило то, что некоторые из этих историков применительно к концу 1650-х – 1670-м годам упоминали все же о существовании Нерчинского уезда [Артемьев, 1999. С. 49; 2006. С. 5–6; Багрин, 2024. С. 226. См. также: Балданов, 2005. С. 14; Зубов, 2009. С. 36; Пузанов, 2017. С. 33], а В. И. Трухин полагал, что с отъездом Пашкова «статус Даурского воеводства был понижен до уезда в составе воеводства» (не разъяснив, правда, какого именно воеводства и что значит «понижение статуса воеводства до уезда») [Трухин, 2020а. С. 154]. В историографии встречаются и более неопределенные высказывания, когда говорится о «создании централизованного управления

С. 16, 25, 28, 31, 37–39, 152–183; Власть в Сибири..., 2005. С. 13–41; Зубов, 2009. С. 32–69; Солодкин, 2019]. Заметим, что механизм создания уездов, равно как и в целом административно-территориального деления Сибири, почти не интересовал историков-сибиреведов. Известны лишь статьи А. А. Бродникова, специально посвященные этой теме (на примере образования Якутского уезда) [Бродников, 1998; 2018].

⁴ Как дата образования «Нерчинского воеводства» в историографии присутствует и 1655 г. [История казачества, 1995. С. 36].

во главе с даурским воеводой», но что это было за «централизованное управление» — не расшифровывается [Внешняя политика, 1977. С. 286; История северо-восточного Китая, 1987. С. 140].

Мы предлагаем иную интерпретацию, как представляется, адекватную происходившему в реальности административно-территориальному конструированию Даурии, под которой в то время подразумевались Восточное Забайкалье и Приамурье. До прибытия в этот регион Пашкова там русскими землепроходцами были построены: в Восточном Забайкалье в 1653 г. — Иргенский и Шилкский остроги, в Приамурье — в первой половине 1650-х годов — Усть-Стрелочный, Ачанский, Кумарский / Комарский остроги и несколько зимовий, в которых «сидели на приказе» (управляли) либо командиры землепроходческих отрядов, либо назначенные ими служилые люди. Из этих острогов Иргенский и Шилкский в 1656 г. были уничтожены тунгусами, а амурские остроги к концу 1650-х годов были покинуты русскими в связи с наступлением маньчжуров.

Афанасий Филиппович Пашков был назначен воеводой «на Амур-реку в Китайской и Даурской землях» царским указом от 20 июня 1654 года⁵ [РКО, 1969. С. 199]. В это время он являлся воеводой Енисейского уезда. В первой половине 1655 г. ему был направлен наказ из Сибирского приказа — должностная инструкция, определявшая его задачи и полномочия как даурского воеводы⁶ [ДАИ, 1851. С. 40–41]. Назначение воеводы и выдача ему наказа свидетельствуют о твердом намерении правительства создать на территории, прилегающей к Амуру и находившейся в процессе включения в состав российских владений, административно-территориальную единицу — уезд. Помимо «Даурской земли», часто встречающейся в наказе, в нем также фигурируют «Дючерская» и «Гиляцкая» земли. Но «Китайская земля» упоминается уже как «государство», наряду с другими почти неизвестными в России государствами, о которых необходимо собрать информацию: «и сколь далече Китайское и Индейское государства от Даурския земли, и от Богдойского, от Никанского государств». Таким образом, согласно наказу под управление Пашкова (соответственно в состав планируемого уезда) попадали Восточное Забайкалье (точнее, его территории, примыкавшие с запада к Амуру) и Приамурье почти до самого устья Амура, при этом Пашков напрямую подчинялся Сибирскому приказу и был подотчетен только ему [Наказ, 1894. С. 1–35; частично опубл.: РКО, 1969. С. 199–203]. Правда, в наказе (как и в упомянутом указе) ни разу не упоминается слово «уезд». Но это была обычная нормативно-административная практика XVII в. Например, в наказе 1638 г. первым якутским воеводам П. П. Головину и М. Б. Глебову, воеводство которых привело к появлению Якутского уезда, также ничего не говорилось о необходимости его создания [Иванов, 1999. С. 171–196]. Наказ

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 453. Л. 2–3, 27, 44. Упоминание в наказе «Китайской земли» как территории, которая отдается под управление Пашкову, было обусловлено весьма слабым представлением российской власти о политической географии юго-восточной Азии того времени.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 132. Л. 177.

Пашкову при всей специфике, отвечавшей даурским реалиям, содержал те же указания по управлению территорией, что и наказы прочим воеводам, направлявшимся в создаваемые или в уже существовавшие уезды. Товарищем-помощником к Пашкову был определен его сын Еремей.

Осенью 1657 г. Пашков с сопровождавшим его отрядом служилых людей прибыл к месту назначения. В соответствии с наказом он должен был «по сторону Шилки реки на Урки речки или в Лавкаевых улусех и в Албазине городище, рассмотря где пригоже, где не чаёт приходу воинских богдойских людей поставити острог, и всякими крепостми укрепити, и в остроге устроити настоящую церковь во имя Воскресения Христова» [Наказ, 1894. С. 5]. Согласно наказу этот острог, называемый Даурским, должен был стать административным центром Даурской земли. Однако выполнить данную задачу Пашкову не удалось ввиду активных военных действий, которые развернули богдойцы-маньчжуры против русских в Приамурье (в конце июня 1658 г. ими был разгромлен на Амуре ниже р. Сунгари отряд даурского приказного человека О. Степанова). В Восточном же Забайкалье по его указанию служилые люди в 1657 г. восстановили Иргенский и в 1658 г. построили Верхний Шилкский и Телембинский / Теленбинский остроги. Местом своей дислокации (соответственно, административным центром создаваемого уезда) воевода сделал Иргенский острог. Верхний же Шилкский острог Пашков в своих донесениях в Сибирский приказ иногда именовал также Шилкским или Нелюдским и Тунгусским⁷ [ДАИ, 1851. С. 260, 261] (см. также: [Артемьев, 1999. С. 38, 44, 48, 49, 63; Багрин, 2024. С. 163]).

В тех же донесениях Пашков, находясь в Забайкалье, постоянно сетовал на нехватку людских и продовольственных ресурсов, из-за чего был не в состоянии выполнить все поставленные перед ним задачи, а к концу исполнения своей должности стал жаловаться на состояние своего здоровья — «старость и увечье» и просить заменить его. Осенью 1659 г. Сибирский приказ принял решение о замене Пашкова. По его предписанию нового управителя в Даурию должен был выбрать воевода Тобольского разряда из числа сибирских служилых людей, а именно тобольских детей боярских. При этом в грамоте Сибирского приказа (от 20 октября 1659 г. якутскому воеводе) четко указывалось, что этот управитель направляется для исполнения своей должности в Нерчинский острог (так с этого времени стал называться Верхний Шилкский острог) [ДАИ, 1851. С. 177–178].

Первым тобольским назначенцем стал сын боярский Ларион (Илларион) Борисович Толбузин, прибывший в Восточное Забайкалье в мае 1662 года⁸ [ДАИ, 1851. С. 272, 320; ПСРЛ, 1987. С. 161–162, 204]. Он застал Пашкова в Иргенском остроге, в котором сам первоначально и обосновался (сидел там в 1662, 1666 гг.) [ДАИ, 1851. С. 278, 324; 1853. С. 51], но затем переместился в Телембинский острог [Трухин, 2020а. С. 153], а впоследствии в Нерчинский острог (далее — Нерчинск), который с этого времени превратился в административный центр Восточного

⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 55–56, 60–61, 68–69, 144а – 144г, 317–335, 345–347.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 132. Л. 154, 161.

Забайкалья⁹. В последующем до 1678 г. обязанности управителей в этом регионе выполняли тобольские дети боярские Данила Данилович Аршинский (непосредственно на «приказе» находился в 1669–1673 гг.), Павел Яковлевич Шульгин (1673–1678 годы¹⁰), Алексей Ларионович Толбузин (1678 год¹¹) [Артемьев, 2005. С. 14–16; Трухин, 2020а. С. 154; Багрин, 2023; см. также: ПСРЛ, 1987. С. 164, 166, 167, 169, 204, 325, 326]. В историографии этих управителей часто называют воеводами [Андриевич, 1887. С. 40–43; Разумов, 1899. С. 18; Барсуков, 1902. С. 3, 147, 148; Шунков, 1956. С. 197; Яковлева, 1958. С. 45, 56, 58, 74, 76; Внешняя политика, 1977. С. 292, 293; Александров, 1984. С. 30, 42; Александров, Покровский, 1991. С. 116; Артемьев, 1995. С. 98, 100, 104; 1996, С. 218; Леонтьева, 2012. С. 32, 34; Пузанов, 2017. С. 32; Каменецкий, 2023а. С. 210, 413, 415; и др.]¹², что не соответствует действительности, поскольку официально они были приказчиками¹³ [Вершинин, 1998. С. 164; Артемьев, 2006. С. 5–6; Трухин, 2020а. С. 154; 2023а. С. 30]. Приказчиками же (или приказными людьми) в Сибири называли, как говорилось выше, должностных лиц, управлявших острогом / зимовьем или слободой и находившихся в подчинении уездному воеводе.

В 1678–1679 гг. «на приказе» в Нерчинске «сидел» енисейский сын боярский, стрелецкий и казачий голова Андрей Васильевич Строганов [Трухин, 2020а. С. 154; Багрин, 2024. С. 195]. В 1679/80–1680/81 гг. обязанности приказчика там исполнял нерчинский сын боярский Никифор Парфенович Сенотрусов¹⁴

⁹ Точное время превращения Нерчинского острога в административный центр Восточного Забайкалья выяснить пока не удалось. Передислокация же приказчиков, по вполне верному замечанию А. Р. Артемьева, «связано с изменением пути в Даурию, который был проложен тогда с Селенги по берегу ее притока — р. Уды к Еравнинским озерам, где в связи с этим был возведен одноименный острог. Оттуда, минуя Иргенский острог, двигались к Теленбинскому острогу, а затем к речке Чите, по которой спускались на р. Ингоду и выходили по ней на Шилку... Основной причиной изменения пути „в Дауры“, по-видимому, являлось обмеление р. Хилок, по которой обычно добирались до Иргенского острога» [Артемьев, 1996. С. 218–219].

¹⁰ В 1677 г. нерчинские служилые люди отстранили Шульгина от управления, выбрав к «государеву делу», т. е. фактически в приказчики нерчинского сына боярского Григория Ивановича Лоншакова и казачьего десятника Ивана Ивановича Астраханцова [ДАИ, 1859. С. 373–374]. Как далее развивалась ситуация, непонятно. По мнению ряда историков, в Нерчинске до 1678 г. «сидел на приказе» Г. И. Лоншаков [Васильев, 1916. С. 148; Вершинин, 1998. С. 164; Артемьев, 2006. С. 6]. Однако Е. А. Багрин и В. И. Трухин полагают, что Шульгин продолжал управлять Даурией до своей смерти в апреле 1678 г. [Трухин, 2020а. С. 154; Багрин, 2023. С. 45–47].

¹¹ В 1676 г. на «приказ» в Нерчинск из Тобольска был вновь направлен Л. Б. Толбузин. С ним отправился его сын Алексей, также имевший чин тобольского сына боярского. Ларион по дороге умер. И Алексей, прибыв в Нерчинск, по просьбе местных служилых людей стал исполнять обязанности приказчика, но без официальной санкции вышестоящих властей [ПСРЛ, 1987. С. 169; ДАИ, 1862. С. 95; РМО, 1996. С. 494; Трухин, 2019. С. 13–15]. А. Р. Артемьев ошибочно полагал, что А. Л. Толбузин занимал «должность воеводы» до 1681 г. [Артемьев, 2006. С. 7], однако в другой своей работе называл его приказчиком [Артемьев, 2005. С. 16]. По мнению В. Г. Пузанова, А. Л. Толбузин «руководил» Нерчинским уездом с 1676 по 1680 г. [Пузанов, 2017. С. 33].

¹² Даже публикаторы архивных документов номинировали их воеводами, хотя в самих документах они фигурируют как приказчики [ДАИ, 1851. С. 272, 278; 1857. С. 367; РКО, 1969. С. 267, 268, 299, 302, 491; РМО, 1996. С. 214, 277, 303, 494, 495].

¹³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 132. Л. 153; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 3. 4. 7.

¹⁴ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 22. Л. 5; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 19. Л. 19.

[Актовые источники, 1995. С. 111; Трухин, 2020а. С. 154]. В 1679 г. распоряжением Сибирского приказа в Нерчинск был определен стрелецким и казачьим головой с полномочиями управленца-администратора жилец¹⁵ Самойло Александрович Лисовский¹⁶ [Спасский, 1819. С. 4, 28; Актовые источники, 1995. С. 111]. Известно, что в 1680/81 г. он находился в Нерчинске¹⁷ [ДАИ, 1867. С. 329].

Таким образом, после Пашкова должностной и социальный статус даурских управителей был существенно понижен¹⁸. В 1659–1676 гг. они назначались не Сибирским приказом, а тобольским воеводой, получали должность не воеводы, а приказчика. В своей деятельности они должны были руководствоваться наказом, выданным еще в 1655 г. Пашкову, а также наказами от тобольских воевод [Трухин, 2020а. С. 154; 2024. С. 16–17]. Назначение и подчинение даурских приказчиков тобольским воеводам не означало, конечно, что Восточное Забайкалье вошло в состав Тобольского уезда или хотя бы Тобольского разряда. Слишком на большом расстоянии они находились друг от друга, к тому же между ними располагался Томский разряд. Выбор Сибирским приказом тобольского воеводы в качестве назначающего и непосредственного начальника даурских приказчиков связан был, скорее всего, с тем, что руководители приказа либо не могли понять, какой административно-территориальный статус присвоить Восточному Забайкалью, либо вообще не придавали этому особого значения, действуя по принципу «будь, что будет», и передали отдаленный регион в прямое управление тобольскому воеводе, который по традиции, идущей с конца XVI в., считался главным среди всех воевод сибирских уездов и разрядов. При этом, однако, даурские / нерчинские приказчики могли по разным вопросам напрямую контактировать (путем переписки) не только с тобольским, но и с енисейским, илимским и якутским воеводами и даже с Сибирским приказом. Важно отметить, что при Аршинском и Шульгине наиболее активная переписка велась с енисейскими воеводами. Причем в ответ на свои отписки приказчики от них получали «памяти» – так в то время назывались документы, которые вышестоящее должностное лицо направляло нижестоящему, по сути распоряжения. Это четко указывало как на более низкий статус приказчиков, так и на то, что нерчинские приказчики в 1670-х годах некоторое время находились де-факто в двойном подчинении – тобольскому и енисейскому воеводам (см., напр.: [АИ, 1842. Т. 4. С. 481–482, 539–540; ДАИ, 1851. С. 272, 278, 326; 1857. С. 41, 84–85, 175–177, 367–368; 1862. С. 95; РКО, 1969. С. 274–275, 299, 301, 302–303; Трухин, 2020а. С. 155; 2024. С. 16]¹⁹).

Соответственно, «проект» создания Даурского уезда оказался не реализован. Никаких объяснений изменения правительственной политики административно-территориального устройства Даурии в делопроизводственных

¹⁵ Жилец – один из низших чинов служилых людей по отечеству по «московскому списку» в XVI–XVII вв. [Правящая элита, 2006. С. 253–254, 338–344].

¹⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 280–291.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 17.

¹⁸ Насколько нам известно, первым это четко констатировал А. Р. Артемьев [2005. С. 14].

¹⁹ НИА СРБИИ. Ф. 96. Оп. 1. Д. 28.

документах не содержится. Но, как представляется, главная причина отказа от создания уезда заключалась в резком сужении военно-политических возможностей России в регионе. К концу 1650-х годов маньчжуры почти полностью вытеснили русских из всего Приамурья, в результате чего та территория, которую планировали включить в Даурский уезд, значительно сократилась и стала представлять собой лишь небольшую часть Восточного Забайкалья (см. также: [Артемьев, 2006. С. 5–6; Трухин, 2020а. С. 153–154]). Начинать же широкомасштабную войну с Цинским Китаем за Приамурье Россия не могла в силу отсутствия необходимых людских и материальных ресурсов (в 1650–1660-е годы она воевала с Речью Посполитой и Швецией). Кроме того, в расчет надо принимать и то обстоятельство, что в 1660–1670-х годах военно-политическая ситуация в Забайкалье и Приамурье хотя и не была спокойной, но и не отличалась особой напряженностью, благодаря чему у российского правительства не возникало особых проблем с сохранением под своим контролем подчиненных территорий и народов и, соответственно, желания перестраивать систему управления.

Однако с конца 1660-х годов конфликтность во взаимоотношениях России, Северной Монголии и Цинского Китая в силу разных факторов, в том числе повторного появления русских на Амуре, где ими в середине 1660-х – начале 1680-х годов было основано несколько острогов и зимовий, стала с постепенным ускорением нарастать, вылившись в первой половине 1680-х годов в военные действия. Вследствие этого центральная власть начала реорганизацию управления Забайкальем. Назначение с 1678 г. в Нерчинск стрелецких и казачьих голов свидетельствует о том, что в управлении главной стала военная составляющая, хотя они должны были выполнять и функции администраторов-приказчиков. Эти головы (А. В. Строганов и С. А. Лисовский) назначались Сибирским приказом, откуда получали должностные инструкции – указы, но при этом они (как и временно исполняющий обязанности приказчика Н. П. Сенотрусов) находились в прямом подчинении енисейскому воеводе²⁰ [Актовые источники, 1995. С. 111]. Еще в 1677 г. был создан Енисейский разряд, и вся юго-восточная Сибирь отдавалась под управление енисейского уездного и разрядного воеводы [Вершинин, 1998. С. 148; Власть в Сибири, 2005. С. 18, 313].

В 1680 г. Сибирский приказ в целях повышения эффективности управления, в первую очередь в военной сфере, увеличившимися российскими владениями в Даурии (вследствие повторного занятия Приамурья) направил из Москвы в Нерчинск воеводу стольника Федора Дементьевича Воейкова, определив к нему «товарищем»-помощником его сына Андрея. К началу апреля 1681 г. они прибыли к месту назначения²¹ [Вершинин, 1998. С. 164; Артемьев, 2006. С. 7; Трухин, 2023а. С. 34; 2023б. С. 66], имея на руках наказ на управление из Сибирского приказа [ДАИ, 1862. С. 345]. Вскоре, согласно отписке енисейского воеводы А. П. Салтыкова к Ф. Д. Воейкову, в Нерчинск была послана «государева» печать [Актовые источники, 1995. С. 112]. 17 февраля 1683 г. Сибирским

²⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 280–281.

²¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Стб. 75. Л. 66–72; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–29.

Илл. 2. Григорий Адольский. Портрет воеводы Ивана Власова. 1695 г.

Источник: Портрет воеводы Ивана Евстафьевича Власова. 1695 // Собрание живописи, графики и скульптуры «Арт-каталог». URL: http://www.art-catalog.ru/picture.php?id_picture=8373 (дата обращения: 01.09.2025)

Fig. 2. Grigoriy Adolsky. Portrait of Voyevoda Ivan Vlasov. 1695

Source: Portrait of the governor Ivan Evstaf'evich Vlasov. 1695. In: Collection of paintings, graphics, and sculpture "Art Catalog". URL: http://www.art-catalog.ru/picture.php?id_picture=8373 (accessed 01.09.2025)

приказом вместо Воейкова был назначен Иван Евстафьевич (Астафьевич / Остафьевич) Власов, заодно получивший должность «товарища» – заместителя воеводы Енисейского разряда К. О. Щербатова [Трухин, 2023а. С. 36; 2023б. С. 68]²². И в последующем (до губернской реформы 1708–1712 гг.) в Нерчинск по распоряжению Сибирского приказа неизменно назначались воеводы, в результате чего был образован Нерчинский уезд в составе Енисейского разряда. Нерчинские воеводы, как и ранее приказчики, имели право напрямую посылать донесения в Сибирский приказ и вести переписку с прочими уездными воеводами. И хотя процесс практического и номинального создания уезда шел постепенно и никакого нормативно-правового акта, знаменовавшего его появление, не было издано, тем не менее можно уверенно считать датой формального образования Нерчинского уезда 1680 г., а началом его реального

²² В литературе встречается и неверная датировка назначения И. Е. Власова в Нерчинск – 1682 г. [Андриевич, 1887. С. 47; Каменецкий, 2023б. С. 115].

существования 1681 г. — со времени стабильного присутствия в Восточном Забайкалье воевод и наличия у них «уездной» государевой печати.

Та же административно-территориальная единица, которая фактически существовала в регионе с момента прибытия первого приказчика Толбузина и до вступления в должность воеводы Воейкова, в делопроизводственной лексике не имела никакой «административно-территориальной» номинации. Такая ситуация в целом была характерна для Восточной Сибири, где имелось немало административно-территориальных единиц, обладавших административными центрами — острогами или зимовьями во главе с приказчиками, подчинявшимися уездным воеводам, но так и не получивших четкого и однозначного официального наименования. В документах 1660–1670-х годов Восточное Забайкалье как некое административно-территориальное образование называлось по-разному: «Даурия», «Даурская земля», «даурские остроги», «Дауры и нерчинские остроги», «нерчинские остроги», «Нерчинский, Иргенский и Телембинский остроги». И лишь после 1681 г. в документах появляется и распространяется «административно-территориальная» номинация — Нерчинский уезд.

Наличие на территории Даурии нескольких острогов де-факто создало внутри нее несколько административно-территориальных единиц, не имевших ни нормативно-правового оформления, ни номинаций. Административно-территориальными единицами их можно считать постольку, поскольку они имели административные центры во главе с собственными управленцами²³. Введенные в научный оборот источники, к сожалению, не позволяют в полной мере определить конфигурацию этих единиц, но судя по имеющимся данным, она была непростой. А. Ф. Пашков и Л. Б. Толбузин, сидя в Иргенском остроге, назначали управленцев из числа подчиненных им служилых людей в Верхний Шилкский и Телембинский остроги. С начала 1660-х годов нерчинские приказчики, помимо Телембинского, назначали управленцев в Итанцинский острог, основанный в 1679 году²⁴. Эти управленцы в делопроизводственной документации также назывались приказчиками / приказными людьми. Телембинские же приказчики, по сведениям Б. О. Долгих, направляли своих представителей в качестве администраторов и сборщиков ясака с окрестного автохтонного населения в Иргенский и Еравнинский (основан в 1676 г.) остроги, Зидойское и Акиминское зимовья [Долгих, 1960. С. 326]. Соответственно, административный статус Телембинского острога был хотя и ниже Нерчинска, но выше остальных острогов и зимовьев. С 1681 г. внутренняя административно-территориальная конфигурация возникшего Нерчинского уезда в пределах Забайкалья упростилась: начиная с Ф. Д. Воейкова уже только нерчинские воеводы напрямую назначали приказчиков во все подведомственные

²³ Б. О. Долгих эти «единицы» называл «присудами», поскольку такое наименование встречается в источниках [Долгих, 1960. С. 326, 327].

²⁴ Данное поселение первоначально представляло собой зимовье, в 1682 г. его перестроили в острог, но после этого до конца 1680-х годов в документах оно нередко продолжало называться зимовьем.

остроги – Телембинский, Иргенский, Еравнинский, Итанцинский и построенный в 1681 г. Аргунский острог.

Особо отметим, что один из острогов – Итанцинский – был поставлен по распоряжению нерчинского приказчика в Западном Забайкалье, в устье р. Итанца, впадающей в р. Селенгу, и сделано это было несмотря на то, что долина Селенги считалась подконтрольной Селенгинскому и Удинскому острогам. Однако нерчинской администрации он был необходим для взимания ясака с хоринских бурят, которые были подведомственны Нерчинску, но их кочевья доходили до нижнего течения р. Селенги [Долгих, 1960. С. 327].

Административно-территориальный «дизайн» Даурии существенно осложнялся спецификой статусного положения острогов, поставленных в середине 1660-х – начале 1680-х годов русскими казаками в Приамурье – Албазинского (далее – Албазин), Верхнезейского / Верхозейского, Селемджинского / Селенбинского, Долонского / Зейского. Не вникая в детали взаимоотношений нерчинских приказчиков, затем голов и воевод, с одной стороны, и казаков, обосновавшихся на Амуре, с другой, отметим лишь следующие принципиальные моменты.

Во-первых, с 1665/66 до 1674 г. в Приамурье (с центром в Албазине) фактически существовала казачья «республика» наподобие Запорожского или Донского казачьего войска. С 1674 г. приамурские остроги распоряжением Сибирского приказа были отданы в ведение нерчинским приказчикам, затем головам и воеводам, которые назначали в Албазин (как главный русский центр на Амуре) своих приказных людей, хотя иногда это напрямую и даже без согласования с нерчинскими управленцами делали и енисейские разрядные воеводы. При этом албазинские казаки до середины 1680-х годов, когда началось очередное наступление маньчжуров, сохраняли значительную автономию, придерживались принципов казачьего самоуправления и периодически даже выходили из подчинения нерчинской администрации [Васильев, 1916. С. 105, 132, 134, 162–165; Александров, 1984. С. 39–43; Трухин, 2023а; 2023б; 2024].

Во-вторых, в историографии присутствует мнение, что в 1682 г. [Яковлева, 1958. С. 119; История Сибири, 1968. С. 126; РКО, 1972. С. 7, 764; Вершинин, 1998. С. 16, 148; Артемьев, 1999. С. 52, 106; 2006. С. 7; Балданов, 2005. С. 14; Энциклопедия Забайкалья, 2002. С. 150; Зубов, 2009. С. 36; Албазинский острог, 2019. С. 106; История Сибири, 2023. С. 143], или 1683 г. [Александров, 1984. С. 128²⁵; Каменецкий, 2023а. С. 418–419], или 1684 г. [Барсуков, 1902. С. 3; Васильев, 1916. С. 171; Долгих, 1960. С. 581; Артемьев, 2005. С. 18; 2006. С. 6–8], или в начале 1680-х годов [Шунков, 1956. С. 185, 221; Леонтьева, 2012. С. 27; Багрин, 2024. С. 240, 337] наряду с Нерчинским уездом был создан Албазинский уезд / Албазинское «воеводство»²⁶ в связи с направлением в Албазин в качестве воеводы упоминавшегося выше А. Л. Толбузина. В. И. Трухин, активно в последние годы занимающийся изучением административно-территориального устройства

²⁵ В другом месте своей монографии автор сообщал, что «самостоятельное воеводство с центром в Албазине» было создано в 1684 г. [Александров, 1984. С. 49].

²⁶ В литературе встречается и совсем уж ошибочное утверждение, что Албазинский уезд был создан в 1650-х годах [Шиловский Д., Шиловский М., 2018. С. 21].

Приамурья в 1660-х – первой половине 1680-х годов и вводящий в научный оборот новые архивные источники, выявил, что в Албазин А. Л. Толбузин был назначен 8 марта 1683 г., но первоначально не как управленец-воевода, а, согласно грамоте Сибирского приказа от 2 апреля того же года²⁷, для расследования причин конфликтных взаимоотношений нерчинского воеводы Ф. Д. Воейкова и албазинских казаков, при этом Албазин выводился из подчинения нерчинского воеводы, а Толбузину поручалось «острог и ратных людей ведать до ... великих государей указу»²⁸ [Трухин, 2020а. С. 158; 2020б. С. 205; 2025. С. 39]. Он же высказал следующий тезис: «Назвать точную дату образования Албазинского воеводства пока нельзя. Однако можно однозначно утверждать, что создано оно было в период между 2 апреля и 31 августа 1683 года. Благодаря грамоте, отправленной в Енисейск К. О. Щербатову, „об отправлении в Албазин новой печати“ можно однозначно утверждать, что к 31 августа 1683 года А. Л. Толбузин уже был назначен албазинским воеводой²⁹. Это самый ранний из известных на сегодняшний день документ, где он был назван воеводой в Албазинском остроге» [Трухин, 2020а. С. 158; см. также: Трухин, 2023б. С. 68; Трухин, 2025. С. 39–40]³⁰.

В начале сентября 1683 г. Толбузин прибыл (из Москвы или Тобольска?) в Енисейск, где подал местному воеводе К. О. Щербатову грамоту и наказ Сибирского приказа, из которых следовало, что он направляется в Албазин уже в качестве управленца, но без обозначения, в какой именно должности: «велено быть в Албазинском Алексею Ларионову сыну Толбузину»³¹. К середине мая 1684 г. Толбузин добрался до места назначения, приняв Албазин от приказчика И. С. Войлошниковца [Актовые источники, 1995. С. 119; Александров, 1984. С. 139; Трухин, 2020а. С. 158; 2020б. С. 205–206], а 23 ноября того же года к нему из Москвы была доставлена серебряная печать «великих государей Сибирские земли Албазинского острогу»³² [Трухин, 2025. С. 40, 47–48]. Наличие же в городе / остроге государевой печати, как указывалось выше, – один из показателей того, что он являлся административным центром уезда. В последующем, в документах 1684–1687 гг. (распоряжениях Сибирского приказа, «распросных

²⁷ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 24. Л. 166 об. – 167 об.; см. также: [Актовые источники, 1995. С. 115]. Информация о назначении А. Л. Толбузина «следователем» в Албазин была кратко упомянута в «Розыске о злоупотреблениях нерчинского воеводы Федора Воейкова» (29 мая 1684 г. – 22 июня 1685 г.): «Лета 7192 году (1684) мая в 29 день по указу великих государей... и по наказу из Сибирского Приказу... велено Алексею Ларионовичу Толбузину ехать в Сибирь в Дауры в Албазинской острог» для проведения следствия [ДАИ, 1872. С. 2]. Данная дата и дала ряду исследователей основание считать, что Толбузин был назначен воеводой в 1684 г. Однако, согласно контексту «Розыска», в мае 1684 г. Толбузин начал следствие, уже находясь в Албазине (см. также: [Трухин, 2023а. С. 36]).

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 24. Л. 167.

²⁹ Грамота Сибирского приказа об отправлении в Албазин печати датирована 31 августа 1683 г., в ней содержится следующее распоряжение К. О. Щербатову: «А вы б ту печать послали в Албазинской с кем пригож... и отдать в Албазинском воеводе нашему Алексею Толбузину» (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 24. Л. 279–279 об.) [Актовые источники, 1995. С. 119].

³⁰ Об А. Л. Толбузине см. также статью В. И. Трухина «Новые сведения о семье албазинского воеводы Алексея Ларионовича Толбузина» в данном номере «Universum Humanitarium».

³¹ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 26. Л. 47–48.

³² РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 29.

речах» – показаниях албазинцев, отписках – донесениях нерчинского воеводы И. Е. Власова и енисейского воеводы К. О. Щербатова, в статейном списке (подробном отчете) посланного из Москвы на переговоры с маньчжурами посла Ф. А. Головина, который пересказывал упомянутые показания и донесения), А. Л. Толбузин часто упоминался как воевода / албазинский воевода³³ [ДАИ, 1867. С. 252–254, 258, 259; 1872. С. 108, 110, 111, 113, 121; РКО, 1972. С. 78, 82–84, 87, 89, 90, 108, 109, 111, 125, 127, 129, 131, 788]. Его сыновья Петр и Федор в своих челобитных 1688, 1691 и 1694 гг., поданных в Сибирский приказ, уверяли, что их отцу после проведения сыска по «челобитью албазинских служилых людей» было «велено быть ... в Албазине до ... великих государей указу воеводою» и «во 192-м (1683/84) году по ... великих государей указу был отец в Олбазине воеводою»³⁴.

Все эти факты, казалось бы, свидетельствуют в пользу того, что Толбузин был назначен воеводой и, соответственно, появился Албазинский уезд. Однако есть обстоятельство, которое заставляет усомниться в этом.

Дело в том, что уездными воеводами в Сибирь с появления в ней первых городов и до начала XVIII в. назначались исключительно представители верхушки служилых людей по отечеству, обладавшие так называемыми московскими чинами (бояре, окольные, стольники, стряпчие, дворяне и т. д.). А. Л. Толбузин же с 1671 г. принадлежал к низшей категории служилых людей по отечеству – к городovým (провинциальным) детям боярским, а точнее – имел чин сына боярского по «тобольскому списку». И только 26 февраля 1683 г. он получил чин городского (тобольского) дворянина по выбору: «по ... великих государей указу и по подписной челобитной за пометою думного нашего дьяка Федора Шакловитова велено Алексею Толбузину в Тобольску быть по выбору»³⁵ [Пузанов, 2017. С. 34]. Но этот чин в служилой иерархии второй половины XVII в. не принадлежал к московским чинам служилых людей по отечеству³⁶. И Сибирский приказ никак не мог нарушить сложившуюся административную практику и официально назначить уездным воеводой не представителя московской элиты, а одного из городских дворян, пусть и имевшего значительные служебные заслуги, в том числе административный опыт³⁷. Как заметил Е. В. Вершинин, «воеводская должность по поняти-

³³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 355. Л. 142; Стб. 963. Л. 133, 223, 312, 315, 329, 408; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 9; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 24. Л. 279 об.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 412, 419, 456; Стб. 970. Л. 1.

³⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 970. Л. 5.

³⁶ В XVI – первой трети XVII в. дворяне по выбору из разных городов считались приписанными к государеву двору (соответственно, к московским служилым людям по отечестве) и как таковые могли назначаться воеводами и помощниками воевод – письменными головами, в том числе в сибирские уезды [Правящая элита, 2006. С. 255–261, 264, 344–345; Солодкин, 2003; 2011]. Однако с 1630-х годов практика причисления таких дворян в государев двор прекратилась, в результате чего чин дворянина по выбору превратился в один из чинов городских (провинциальных) служилых людей по отечеству [Правящая элита..., 2006. С. 346–347].

³⁷ Для примера: в 1672 г. в Сибирский приказ подал челобитную дворянин по выбору из г. Вязьмы Б. С. Несвитаев с просьбой назначить его воеводой «в Иркутском и в Братском и в Бологанском острошках», но его отправили управлять Баргузинским острогом, причем без назначения на какую-либо должность (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 481. Л. 108–108 об., 110). С. А. Лисовский, имевший московский чин жильца, в 1679 г., апеллируя к своей принадлежности по рожде-

ям XVII в. была слишком „честна“ для сибирских служилых людей по отечеству» [Вершинин, 1998. С. 39]. Последние, как говорилось выше, могли быть назначены лишь временно исполняющими обязанности воевод (см. также: [Солодкин, 2019. С. 198–200]).

Соответственно встает закономерный вопрос: стал ли А. Л. Толбузин «настоящим» албазинским воеводой? Некоторые историки, кстати, сомневаются в этом. Так, Б. О. Долгих, указывая, что Толбузин «в документах именовался воеводой», не считал его, однако, таковым, а называл весьма неопределенно — «первым лицом, назначенным из Тобольска» [Долгих, 1960. С. 581]. В. Г. Пузанов и И. П. Каменецкий полагали, что «после проведения сыска Алексей Толбузин был назначен временным воеводой Албазина „до государева указа“» [Пузанов, 2017. С. 34; Каменецкий, 2023а. С. 419]. И если все же следователь из Тобольска превратился в албазинского воеводу, как можно объяснить явное нарушение существовавших социальных нормативов при назначении сибирского дворянина на должность воеводы? Возможно, поиск и изучение новых архивных источников позволят дать ответ на этот вопрос.

Но в какой бы должности А. Л. Толбузин не был назначен в Албазин в 1683 г., он был уволен с нее распоряжением Сибирского приказа, полученным в Нерчинске 15 июля 1686 г., а Албазин передавался под управление нерчинского воеводы И. Е. Власова [ДАИ, 1867. С. 257–258; Трухин, 2023а. С. 36; 2025. С. 42]. Но поскольку к этому времени борьба между русскими и маньчжурами за Приамурье вошла в острую фазу, Толбузин продолжил по приказу Власова управлять Албазиным и в начале второй его осады маньчжурами скончался от тяжелого ранения. Оборону Албазина возглавил казачий голова А. И. Бейтон. По условиям Нерчинского договора 1689 г. между Россией и Цинским Китаем Приамурье отошло к маньчжурам и Албазин был разрушен.

Таким образом, если признать все же Толбузина с какого-то момента албазинским воеводой или врио воеводы, можно говорить и о создании Албазинского уезда. Официальным подтверждением этого являлась отправка в Албазин государевой печати. Но просуществовал этот уезд недолго — де-факто до июля 1686 г., юридическим же актом его упразднения условно можно считать Нерчинский договор.

В связи со временем существования Албазинского уезда обратим внимание на утверждение В. И. Трухина о том, что «к моменту возобновления Нерчинского воеводства» «Албазинский уезд ... был уже сформирован», поскольку «в приказной переписке нерчинских воевод появляется термин „Албазинские уезды“» [Трухин, 2020а. С. 157]. Такое словосочетание (во множественном или единственном числе) не часто, но встречается в делопроизводственной документации, как правило, исходящей от служилых людей: «Албазинские уезды» (1681 г. [Паршин, 1844. С. 146]), «Албазинский уезд» (1682 г.

нию к польско-литовской шляхте, просил «пожаловать» его «за... породу и службишку... Енисейского розряда в доурских – в Нерчинском или в Олбагузинском (Албазинском), или в Аркуцком (Иркутском) и на Байкале в Бургузинском острогах воеводою» (Там же. Стб. 340. Л. 273). Но Сибирский приказ, как говорилось выше, направил его в Нерчинск стрелецким и казачьим головой.

[Паршин, 1844. С. 159], 1684 год³⁸, 1686 год³⁹). Однако это не является свидетельством появления уезда / уездов. Дело в том, что в документах XVII в. наряду с официальной номинацией уездом административно-территориальной единицы изредка встречается аналогичное наименование неких территорий, которые были подведомственны каким-либо городам / острогам, но не являлись официально собственно уездами. В данном случае слово «уезд» использовалось в значении, сохранившемся от более ранних времен, — это территория, подконтрольная некоему административному центру, которая обьезжается представителями местных властей (в сибирском варианте — служилыми людьми) в целях сбора дани с проживавшего там населения (см.: [Градовский, 1868. С. 260; Горский, 2019. С. 357]). И в таком значении в документах встречаются «Телембинский уезд» (1674 г.)⁴⁰, «нерчинские остроги и уезды» (1679 г.)⁴¹, «Новоаргунский уезд» (1682/83 г.)⁴², «Иркутский уезд» (1684, 1685 гг.)⁴³ [Иркутск, 1883. С. 3], «Баргузинский уезд» (1688 г.)⁴⁴, «Селенгинский уезд» (1687, 1691 г.)⁴⁵, хотя в указанные годы таковых уездов как административно-территориальных единиц не существовало. Как аналог слову «уезд» (в обоих его значениях) в документах XVII — начала XVIII в. иногда использовалось слово «присуд» — территория, подсудная (подчиненная) какому-либо административному центру (см.: [Чичерин, 1856. С. 59]): «Телембинский присуд», «Баргузинский присуд», «Иркутский присуд», «Нерчинский присуд»⁴⁶ [Залкинд, 1958. С. 124; Долгих, 1960. С. 326, 327].

Административно-территориальная структура Западного Забайкалья выстраивалась также непросто, поскольку Сибирский приказ вплоть до начала 1680-х годов практически путем опробовал разные варианты. Первые русские остроги на этой территории появились в ее северной части: в 1646 г. — Ангарский (Верхнеангарский), в 1648 г. — Баргузинский, в 1652 г. — Баунтовский. В 1662 г. построили Кучидский острог, а в 1665 г., уже в южной части Забайкалья — Селенгинский и Удинский остроги⁴⁷.

С момента своего появления и де-факто до 1681 г. эти остроги входили в состав Енисейского уезда⁴⁸. При этом возникли заметные различия в административном статусе острогов, находившихся в южной и северной части Западного Забайкалья. На юге главным административным центром стал

³⁸ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 26. Л. 32.

³⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 973. Л. 14.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 283, 284 об.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 963. Л. 319.

⁴³ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 63. Л. 252; Стб. 78. Л. 43.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1045. Л. 75.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 355. Л. 419; Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 248. Л. 15, 27.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1292. Л. 163, 164 об., 186 об., 191 об., 199 об., 200–204 об., 457 об., 663 об., 670 об.; Кн. 1388. Л. 599 об.; Оп. 4. Стб. 144. Л. 2.

⁴⁷ Ангарский, Баунтовский и Кучидский остроги по характеру укреплений представляли собой все время своего существования зимовья, но в документах часто назывались острогами. Удинский острог изначально являлся зимовьем, в 1679 г. его перестроили в острог.

⁴⁸ Встречается, правда, оригинальное мнение, что уже в 1661 г. существовал Иркутский уезд и в его состав входило Западное Забайкалье [Энциклопедия Забайкалья, 2002. С. 150].

Селенгинский острог (далее – Селенгинск), в который приказчиков определял енисейский воевода из числа енисейских же служилых людей. Они, в свою очередь, посылали управленцев («приказных людей») в Удинский острог (далее – Удинск) и основанные в начале 1670-х годов Кабанскую и Ильинскую заимки / слободы⁴⁹ [ДАИ, 1853. С. 177, 178; 1857. С. 324, 353; 1859. С. 321, 323; 1862. С. 95; СДИБ, 1960. С. 242; РКО, 1969. С. 261, 469, 470; Актовые источники, 1995. С. 111, 116, 122].

На севере центром являлся Баргузинский острог (далее – Баргузинск). Сюда также на «приказ» посылались в основном енисейские служилые люди. Однако длительное время (точно известно, что с 1652/53 г. до конца 1670-х годов) баргузинские управленцы назначались непосредственно Сибирским приказом, причем два раза из числа служилых людей, не приписанных к енисейскому гарнизону – упоминавшиеся выше жилец С. А. Лисовский (в 1668 и 1675 гг.) и дворянин по выбору из г. Вязмы Богдан Семенович Несвитаев (в 1673 г.). При этом назначенцы Сибирского приказа определялись в 1654/55 г. в должность казачьего головы, в 1656–1675 гг. – стрелецкого и казачьего головы, а один раз (Несвитаев) – без указания должности.

В XVII в. в Сибири стрелецкие и / или казачьи головы – это в основном командиры стрелецких и / или казачьих подразделений в местных гарнизонах численностью в несколько сотен человек [Никитин, 1988. С. 31, 37, 42, 43, 50; Барахович, 2014], причем находившихся под общим командованием того воеводы, в уезде которого они располагались. И если назначение таких голов (пусть и в качестве управленцев) в Нерчинск более-менее согласуется с численностью его гарнизона (в 1670-х годах – от 120 до 200 человек, но исключительно только казаков) [Леонтьева, 2012. С. 36; Багрин, 2024. С. 179, 184, 193], то их присутствие в Баргузинске никак не соответствует параметрам местного гарнизона – в 1650–1660-х годах около 70 казаков⁵⁰ [ДАИ, 1848. С. 344; Васильев, 1916. С. 114–115, 124, 139], к началу 1680-х годов – около 30 казаков⁵¹.

Интересно и то, что Лисовский и Несвитаев (в 1668 и 1673 гг.) получили указы на управление из Сибирского приказа, да еще и с четким указанием, чтобы енисейский воевода их «не ведал», т. е. они должны были подчиняться не ему, а напрямую Сибирскому приказу. Все же остальные головы (в том числе и Лисовский с 1675 г.), а до них приказчики получали указы / наказные памяти от енисейского воеводы и находились в его юрисдикции. Баргузинские приказчики и головы направляли небольшие группы служилых людей для сбора ясака в подведомственные им Ангарский, Баунтовский и Кучидские остроги, и «начальные люди» этих групп исполняли там обязанности управленцев-приказчиков. Хотя случалось, что в эти остроги ясачных сборщиков напрямую отправляли енисейские воеводы⁵².

⁴⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 528. Л. 26 об.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 200.

⁵¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 738. Л. 143–152а.

⁵² О назначении управителей в Баргузинск в 1650–1670-е годы см. указы, грамоты, указы Сибирского приказа: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 273–278, 471–474; Стб. 481. Они однозначно свидетельствуют, что головы в Баргузинск направлялись именно как управленцы (вклю-

Практика назначения в Баргузинск голов свидетельствует о том, что этот острог длительное время оценивался Сибирским приказом как имевший более высокий административный статус, нежели те остроги, в которых находились приказчики, назначаемые уездными воеводами⁵³. Не исключено, что конце 1660-х — начале 1670-х годов он рассматривался как потенциальный уездный центр и, возможно, именно поэтому был временно напрямую подчинен Сибирскому приказу, а очередной управленец (Несвитаев) был назначен без указания должности. Такой вариант управления (без обозначения должности) явно напоминает практику назначения сибирских служилых людей по отечеству в качестве временно исполняющих обязанности уездных воевод. Правда, в переписке с нерчинским приказчиком П. Я. Шульгиным Несвитаев все же номинировался «баргузинским головой»⁵⁴.

Об административных амбициях управленцев Баргузина, равно как и Нерчинска, свидетельствует случившийся между ними конфликт. В 1667/68 г. по распоряжению баргузинского головы Андрея Афанасьевича Барнешлева началось строительство Еравнинского острога на территории, подконтрольной Нерчинску. Приказчик последнего Л. Б. Толбузин, лично прибыв на место «вторжения» баргузинцев, приказал своим казакам сжечь заготовленный строительный материал, что и было сделано. Однако новый баргузинский управитель Несвитаев, апеллируя к тому, что подведомственным Баргузинску баунтовским ясачным тунгусам удобнее платить ясак у Еравнинских озер, в 1674/75 г. вновь послал подчиненных ему казаков, которые соорудили зимовье. Но почти моментально последовала реакция из Нерчинска: в 1676 г. по указанию приказчика П. Я. Шульгина нерчинские казаки недалеко от «баргузинского» зимовья воздвигли «острожные строения» — шесть изб и башни. И с этого же года новопостроенный Еравнинский острог находился уже в ведомстве нерчинского приказчика, затем воеводы [ДАИ, 1857. С. 364–365; Залкинд, 1958. С. 56–57; Багрин, 2024. С. 189]. Подобные споры между приказчиками и служилыми людьми разных острогов за «ясачные уголья» были обычным явлением в Сибири XVII в., изредка они даже доходили до вооруженных столкновений (см., напр.: [Окладников, 1937. С. 92–95; Залкинд, 1958.

чая и военную сферу), а не только как командиры воинских подразделений. В этом однозначно убеждает сравнение наказов баргузинским головам с наказами, которые выдавались в эти же годы сибирским приказчикам (см., напр: РГАДА. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–16; [АИ, 1842. С. 521–528; ДАИ, 1851. С. 70–80, 200–214; 1859. С. 139–145]) и стрелецким и / или казачьим головам как командирам воинских подразделений (см., напр.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340; Стб. 481. Л. 58–66 (опубл.: [Барахович, 2016. С. 356–358])), хотя все они содержали немало схожих нормативных элементов.

О приказчиках и головах в Баргузинске и подведомственных ему острогах см. также: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 355. Л. 201; Стб. 508. Л. 301; Оп. 4. Стб. 69. Л. 1; Стб. 75. Л. 40–62, 66–72; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 3, 4; АИ, 1842. С. 540, 561; ДАИ, 1848. С. 343; 1851. С. 53, 211, 212; 1853. С. 49, 51–53, 175, 176; 1857. С. 359, 364, 367; 1859. С. 136, 138, 193, 343; 1862. С. 172; 1875. С. 37; СДИБ, 1960. С. 228, 230, 231, 234, 242–244; РКО, 1969. С. 487; РМО, 1996. С. 130, 132, 143; Актовые источники, 1995. С. 111; [Барсуков, 1902. С. 13–14; Вершинин, 1998. С. 24–27, 40; Багрин, 2024. С. 187, 211, 214].

⁵³ А. П. Васильев административно-территориальную единицу, возглавляемую головой, даже называл «головством» [Васильев, 1916. С. 139].

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 3, 4.

С. 30–33; Иванов, 1999. С. 45–50; Павлинская, 2008. С. 115, 146–148, 154, 156–158; Самрина, 2012; Бродников, 2002]). Бывали и случаи соперничества за сбор ясака между баргузинскими и селенгинскими [Актовые источники, 1995. С. 111; Багрин, 2024. С. 191], между нерчинскими и селенгинскими служилыми людьми⁵⁵ [Залкинд, 1958. С. 124–125].

Однако от повышения административного статуса Баргузинска Сибирский приказ отказался. Лисовский при назначении в 1675 г. был уже подчинен енисейскому воеводе. Правда, в одной из своих челобитных он сообщил, что «во 186-м (1677/78) году прислан на мое место из Енисейска в Баргузинской острог письменной голова», не назвав, однако, его имени⁵⁶. Появление письменного головы в Баргузинске означало бы существенное повышение его статуса⁵⁷. И этот факт вызвал явное недоумение дьяков Сибирского приказа, которые в своих комментариях к челобитной Лисовского сделали следующее замечание: «А по какому указу Самойло из Баргузинского переменен и в котором году и кто на его место в Баргузинской послан, того в Сибирском приказе неведомо, из Енисейска к Москве о том боярин и воевода князь Иван Петрович Борятинской и дьяк Василей Телицын не писывали»⁵⁸. Ситуация со сменой Лисовского в 1677/78 г. требует отдельного рассмотрения. Но известно, что в 1681–1682 гг. в Баргузинске были приказчики из енисейских служилых людей⁵⁹ [Артемьев, 1999. С. 41]. Понижение статуса Баргузинска связано с потерей им своего коммуникационного значения вследствие строительства Удинска: именно Удинск, а не Баргузинск стал главным перевалочным пунктом на пути из Предбайкалья в Селенгинск и остроги нерчинского ведомства [Васильев, 1916. С. 140].

В начале 1680-х годов административно-территориальный «дизайн» и система управления Западным Забайкальем стали быстро и кардинально меняться. В начале 1680 г. (до 15 февраля) в Селенгинск был назначен воеводой стольник И. Е. Власов, 26 февраля того же года он получил воеводский наказ [АИ, 1842. Т. 5. С. 105; Актовые источники, 1995. С. 112]⁶⁰. Ему также была выдана (или послана позднее?) «уездная» «печать государева земли Сибирския города Селенгинска» [Иркутск, 1883. С. 1; Дёмин, 2009. С. 201–202]. Все это однозначно говорит о том, что Сибирский приказ запустил процесс создания Селенгинского уезда. В одной из грамот этого приказа (от 28 июня 1681 г.) содержится следующая административно-территориальная терминология:

⁵⁵ РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 19. Л. 3–5.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 273.

⁵⁷ Письменные головы входили в состав администрации разрядных воевод, при них они «состояли для выполнения временных поручений административного и военного характера. Наиболее часто они посылались на „упалые“ воеводские места, исполняя эту должность до приезда новых воевод; назначались в качестве „сыщиков“ расследовать деятельность лиц уездной администрации; управляли крупными острогами (особенно в Восточной Сибири); возглавляли военные экспедиции» [Вершинин, 1998. С. 19]. Письменным головой в Енисейске в 1677–1680 гг. был Д. Козьмин [Там же. С. 155].

⁵⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 340. Л. 279.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 23. Л. 11, 34, 44.

⁶⁰ Текст самого наказа, как и многих наказов другим сибирским воеводам, пока не обнаружен.

«в Селенгинской стольнику нашему и воеводе Ивану Остафьевичу Власову ... проведывать в Селенгинске и Селенгинского уезду в острогах» [АИ. 1842. Т. 5. С. 105] (курсив наш. — А. З.). Причем показательно, что в Забайкалье в 1680 г. назначили двух воевод: в Нерчинск — Ф. Д. Воейкова, в Селенгинск — И. Е. Власова. И оба они были поставлены в непосредственное подчинение воеводе Енисейского разряда. При этом, как следует из делопроизводственной документации (донесений Власову приказчиков, распоряжений Сибирского приказа, донесений самого Власова, окладных ясачных книг и т. д.), под управление селенгинскому воеводе отдавались Предбайкалье (с Иркутским и рядом других острогов⁶¹) и Западное Забайкалье (за исключением Итанцинского острога, оставшегося в Нерчинском уезде), и, соответственно, ему напрямую подчинялись забайкальские приказчики (из числа служилых людей) Селенгинска и Баргузинска, и опосредованно — через селенгинского приказчика — «начальные люди» Удинска, Ильинской и Кабанской слобод и через баргузинского приказчика — Ангарского, Баунтовского и Кучидского острогов⁶² (см., напр.: [АИ. 1842. Т. 5. С. 106; ДАИ, 1862. С. 296, 333–334, 345; 1875. С. 322, 324–325; 1867. С. 68, 242–243, 322; 1869. С. 71–74; Сибирские города, 1886. С. 45; Иркутск, 1883. С. 1; СДИБ, 1960. С. 264, 269, 270; РМО, 1996. С. 381–382, 385–387, 391–393, 395, 397, 401, 402, 420; Актовые источники, 1995. С. 118, 119]) (см. также: [Шунков, 1956. С. 186, 189]).

Согласно этой же документации, Власов по дороге в Селенгинск на длительное время, с ноября 1680 года⁶³ до февраля 1682 г., задержался в Иркутском остроге (далее — Иркутск), побывав весной 1681 г. в Баргузинске. В Селенгинске же продолжал управлять приказчик. И только в марте 1682 г. Власов прибыл к месту назначения, оставив в Иркутске приказчика. Затем примерно в течение года он находился то в Селенгинске, то в Иркутске, то опять в Селенгинске, а с конца лета 1683 г. вновь осел в Иркутске. Управлять же Селенгинском остался приказчик. 17 февраля 1683 г. Власова, как упоминалось выше, назначили воеводой Нерчинского уезда, и он, покинув Иркутск, 30 апреля 1684 г. прибыл в Нерчинск⁶⁴ [Александров, 1984. С. 129; Вершинин, 1998. С. 157; Трухин, 2020а. С. 158].

В Иркутске с момента его строительства в 1661 г. и до появления в нем Власова управляли приказчики из числа служилых людей⁶⁵. Факт же дислокации селенгинского воеводы Власова большую часть времени в этом остроге

⁶¹ Поскольку в данной статье речь идет об административно-территориальном устройстве Забайкалья, мы не занимались выяснением количества предбайкальских острогов, вошедших в состав новообразованного уезда. Но среди них, помимо Иркутского и Тункинского острогов, с высокой степенью вероятности были Балаганский, Верхоленинский, Бельский и Идинский остроги.

⁶² См., напр.: РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 22, 23, 37; Стб. 63. Л. 32, 37, 135, 137, 140, 158; Стб. 78. Л. 46; Стб. 81. Л. 51; Стб. 96. Л. 1, 2 об., 6 об.; Ф. 1142. Д. 19. Л. 4, 5, 7, 16–16 об.; Д. 26. Л. 26.

⁶³ В Иркутский острог он прибыл 15 ноября 1680 г. [Иркутск, 1883. С. 2].

⁶⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 355. Л. 76.

⁶⁵ Среди приказчиков Иркутска в разные годы упоминаются тобольские и енисейские служилые люди, поэтому не вполне ясно, какому уездному воеводе и в какое время подчинялись эти приказчики. См.: [ДАИ, 1859. С. 344–346; Актовые источники, 1995. С. 111; Оглоблин, 1901. С. 39; Барсуков, 1902. С. 84; Вершинин, 1998. С. 157; Пузанов, 2017. С. 33].

привел почти всех исследователей к ошибочному представлению об административно-территориальных новациях в Предбайкалье и Забайкалье. Они, не вникая в детали, полагали, что Власов был назначен иркутским воеводой, и это привело к образованию в 1680, или 1681, или 1682 г. Иркутского уезда [Щеглов, 1883. С. 129; Иркутск, 1891. С. 2; Яковлева, 1958. С. 44; Кудрявцев, Вендрих, 1958. С. 17; Долгих, 1960. С. 183, 294; Трошин, 1963. С. 13–14; Копылов, 1965. С. 83; История Сибири, 1968. С. 126; Балданов, 2005. С. 14; Артемьев, 2005. С. 17–18; 2006. С. 7, 8; Зубов, 2009. С. 36; История Бурятии, 2011. С. 55; Леонтьева, 2012. С. 28, 46; Иркутский край, 2012. С. 44, 58; Каменецкий, 2023б. С. 114; История Сибири, 2023. С. 143]⁶⁶. Причем высказывались даже мнения, что Власов сначала был селенгинским, затем иркутским воеводой [Яковлева, 1958. С. 129], одновременно воеводой и в Иркутске, и Селенгинске [Барсуков, 1902. С. 84, 205; Шунков, 1956. С. 186, 189, 194], что наряду с Иркутским уездом в 1681 г. «в источниках впервые фигурирует подчиненный иркутскому воеводе И. Е. Власову Селенгинский уезд» [Артемьев, 1999. С. 66]. Получалась «оригинальная» конструкция: появился уезд без воеводы, который вошел в состав другого уезда. И только А. П. Васильев еще в начале XX в. высказал утверждение, что «Иркутский острог был приписан к Селенгинскому городу», неверно, правда, назвав дату этого события – 1683 г. [Васильев, 1916. С. 120]. Из современных исследователей, насколько нам известно, лишь Э. В. Дёмин [2016] и Е. А. Багрин считают Власова селенгинским воеводой [Багрин, 2024. С. 235]⁶⁷.

Власов, несомненно, в 1680–1683 гг. официально являлся селенгинским воеводой, и к настоящему времени не обнаружено никаких документов, которые свидетельствовали бы о его переназначении воеводой в Иркутск. Другое дело, что вследствие отсутствия, как указано выше, хоть какого-то регламента создания уездов и определения их административных центров, дислокация Власова то в Иркутске, то в Селенгинске де-факто привела к тому, что вместе с ним менял свое местоположение и уездный центр, а благодаря длительному пребыванию Власова в Иркутске этот острог приобрел более важное административное значение, нежели Селенгинск. Никаких объяснений передислокации Власова в его известной переписке с енисейским воеводой К. О. Щербатовым и Сибирским приказом не содержится. Можно только предполагать, что Власов, находясь то в Предбайкалье, то в Забайкалье и ознакомившись с расположением местных острогов и военно-политической ситуацией, пришел к выводу о нежелательности превращения Селенгинска в административный центр уезда. Селенгинск в начале 1680-х годов являлся главным опорным пунктом русской власти в противоборстве монгольским набегам, которые в это время приняли масштабный характер. В его окрестностях почти постоянно отрядами разной численности присутствовали «немирные мунгалы», с которыми служилые люди нередко вступали

⁶⁶ В. А. Александров, не конкретизируя даты, писал, что «административно остроги Западного Забайкалья во второй половине XVII в. входили в состав Иркутского уезда и подчинялись воеводам Иркутска» [Александров, 1984. С. 20].

⁶⁷ При этом Е. А. Багрин все же полагает, что «в 1681 г. правительство наделило Иркутск полномочиями уездного центра» [Багрин, 2024. С. 404].

в вооруженные столкновения и которые создавали огромные проблемы коммуникации селенгинского гарнизона с другими русскими гарнизонами. Периодически возникали ситуации, когда Селенгинск фактически оказывался в монгольской блокаде. В отличие от Селенгинска военная обстановка в районе Нерчинска, где также в то время создавался уездный центр, была хотя и сложная, но все же намного менее опасная. В схожем с Нерчинском положении находился и Иркутск. И, сравнив военно-стратегическое расположение разных острогов и удобство коммуникации между ними, Власов отдал предпочтение Иркутску как потенциальному уездному центру. Он, как мы полагаем, наверняка известил об этом Щербатова, который и сам хорошо был осведомлен о тех угрозах, которые монголы создавали Селенгинску. Несомненно, что Сибирский приказ также был в курсе перемещения «ставки» уездного воеводы и его «оседания» в Иркутске. Скорее всего, именно вследствие этих перемещений и возникшей де-факто неопределенности с уездным центром в Прибайкалье Сибирский приказ, отдавая в этой ситуации предпочтение не регламентирующим предписаниям, а практической апробации, после отправки Власова в Нерчинск не стал назначать в этот регион нового воеводу, а поручил Щербатову произвести замену Власова по своему усмотрению. Выполняя это поручение, Щербатов в 1683 г. направил управленцем в Иркутск своего помощника — письменного голову, стольника Леонтия Константиновича Кислянского⁶⁸, а в Селенгинск — енисейского сына боярского Ивана Ивановича Поршенникова. Чины этих управленцев однозначно говорят о том, что административный статус Иркутска повышался (но не до уездного центра), а Селенгинска — понижался. Таким образом, реализация «проекта» по созданию Селенгинского уезда была прекращена⁶⁹ и должность селенгинского воеводы автоматически упраздняялась, но и Иркутск не превратился в новый уездный центр. Кислянский прибыл к месту назначения в первой половине января 1684 г. [Иркутск, 1883. С. 1, 2], а Поршенников — в феврале того же года [ДАИ, 1867. С. 242]. В ведение первому отдавались Иркутск и предбайкальские остроги (в том числе Тункинский) и Баргузинск (с Ангарским, Баунтовским и Кучидским острогами), второму — Селенгинск, Удинск, Ильинская и Кабанская слободы, и оба они подчинялись енисейскому воеводе.

В историографии опять же присутствует неверное утверждение, что Кислянский был назначен в Иркутск воеводой [Барсуков, 1902. С. 84; Александров, 1984. С. 129; Александров, Покровский, 1991. С. 114; Вершинин, 1998. С. 20, 157]. В январе 1684 г. — июне 1685 г. он находился там в качестве управленца, но в должности письменного головы, а не воеводы, и во всех известных документах назывался письменным головой, а не воеводой. Назначен он был Щербатовым, наказ на управление получил от него же, а не из Сибирского приказа, свои донесения он посылал енисейским воеводам, которые отдавали

⁶⁸ В. К. Андриевич ошибочно полагал, что Кислянский был назначен вторым воеводой в Нерчинск [Андриевич, 1887. С. 47]. О Кислянском см.: [Трошин, 1955].

⁶⁹ В литературе присутствует и «оригинальная» точка зрения, что «Селенгинское воеводство» существовало до начала XVIII в. [Разумов, 1899. С. 26].

ему распоряжения⁷⁰ [ДАИ, 1867. С. 243, 324–326, 330–333; 1869. С. 217, 231, 235; 1872. С. 122; Иркутск, 1883. С. 2; СДИБ, 1960. С. 263, 269, 270–273, 283, 284, 294; Актовые источники, 1995. С. 122; РМО, 1996. С. 396–402, 404, 406, 410, 421, 424, 426, 428, 434, 438]. После Кислянского в Иркутске управляли: с июля до конца 1685 г. — приказчик иркутский сын боярский Иван Максимович Перфильев⁷¹ [РМО, 1996. С. 439–441; 2000. С. 70], с конца 1685 г. до января 1687 г. — письменный голова Алексей Львович Горчаков (назначение получил от енисейского воеводы) [РМО, 1996. С. 439; 2000. С. 70, 71], с января 1687 г. до сентября 1688 г. — письменный голова, стольник Алексей Сидорович Синявин (назначен полномочным послом на переговорах с Цинским Китаем, воеводой Ф. А. Головиным)⁷² [СДИБ, 1960. С. 304, 307, 309, 310, 312–315, 317, 319, 320, 322–325; РМО, 2000. С. 173, 416]⁷³, затем вновь — И. М. Перфильев [РМО, 2000. С. 177]. Последний оба раза «сидел на приказе» временно⁷⁴. Назначение же в Иркутск письменных голов, да еще два раза стольников, несомненно, свидетельствует о его растущем административном значении.

Воеводы же в Иркутск стали назначаться Сибирским приказом с 1688 г., и первым воеводой стал упоминавшийся Кислянский, который прибыл к месту назначения, видимо, в первой половине 1689 года⁷⁵. С собой он доставил государеву печать⁷⁶. Соответственно, отсчет существованию Иркутского уезда можно начинать формально только с 1688 г., а реально — с 1689 г. Согласно воеводскому наказу Кислянскому от 25 мая 1688 г. под его управление, помимо Предбайкалья, подпадали остроги Западного Забайкалья — Селенгинск, Удинск, Баргузинск, Ильинский⁷⁷, Кучидский, Баунтовский, Ангарский и Кабанская слобода⁷⁸, за исключением опять же Итанцинского острога, оставшегося в составе Нерчинского уезда [Оглоблин, 1901. С. 37, 143; Первое столетие, 1996. С. 128]. Воеводы в Иркутск так же, как и в Нерчинск, назначались до губернской реформы 1708–1712 гг.

Селенгинск же, рассматривавшийся ранее как возможный уездный центр, стал терять свое административное значение. Грамотой Сибирского приказа

⁷⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 355. Л. 234; Стб. 963. Л. 408; Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 59, 60, 62а, 63, 68, 77, 78; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 24.

⁷¹ РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 72. Л. 14.

⁷² РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Стб. 122. Л. 4; Стб. 39. Л. 23–32.

⁷³ И. В. Щеглов всех названных управителей, начиная с Власова и Кислянского, считал «правителями Нерчинского края» [Щеглов, 1883. С. 129–130].

⁷⁴ Пока не удалось выяснить, кто назначал его приказчиком и с какими полномочиями. Возможно, это делали в 1685 г. Л. К. Кислянский, а в 1688 г. — А. С. Синявин.

⁷⁵ Первый известный нам документ, свидетельствующий о нахождении Кислянского в Иркутске, относится к 4 июля 1689 г. [РМО, 2000. С. 213].

⁷⁶ По указанию Сибирского приказа Кислянский должен был передать печать послу Ф. А. Головину и подчиниться ему в делах управления до отбытия последнего в Москву (Первое столетие, 1996. С. 128, 133). 18 февраля 1690 г. Головин из Забайкалья прибыл в Иркутск и, по сведениям П. И. Пежемского, в тот же день передал печать Кислянскому [Иркутская летопись, 1911. С. 6, 123].

⁷⁷ Ильинская заимка / слобода была укреплена стоячим острогом в 1688 г., но после этого в документах продолжала нередко называться слободой, и лишь после реконструкции в 1692 г. за данным населенным пунктом закрепился статус острога.

⁷⁸ Кабанская заимка / слобода перестроена в острог в 1692 г.

от 28 января 1684 г. в Енисейске был запущен, можно полагать, с подачи енисейского воеводы Щербатова и селенгинского воеводы Власова, процесс обсуждения вопроса об изменении административных статусов Селенгинска и Удинска: если до этого Удинск подчинялся Селенгинску, то теперь предполагалось сделать наоборот. Кроме того, планировалось ликвидировать в Селенгинске постоянный гарнизон и посылать туда на временную службу служилых людей из Удинска. Гарнизон же последнего должен был быть увеличен путем переселения туда на постоянное местожительство служилых людей из Селенгинска. В упомянутой грамоте сообщалось: «велено розведать подлинно: буде из Селенгинского селенгинским служилым человеком и приказному человеку жить в Удинском пристойнее, а в Селенгинском малыми людьми годовальщиками, против иных таких же острожков, пробывать будет мочно и от воинских людей безстрашно, и селенгинских служилых людей с детьми велено перевести в Удинской и жить им в Удинском, а в Селенгинском велеть быть годовальщиком из Удинского, скольким человеком пристойно». Основанием для такой военно-административной трансформации рассматривалось более выгодное с военной, коммуникативной и экономической точки зрения месторасположение Удинска (по сравнению с Селенгинском и другими западно-забайкальскими острогами): от монгольских набегов с юга его прикрывал, хотя и не в полной мере, Селенгинск, нахождение в месте слияния рек Уды и Селенги обеспечивало более быструю, чем у Селенгинска, коммуникацию с другими русскими опорными пунктами в регионе, в его окрестностях развивалось земледелие, наконец «ясашные иноземцы» обитали «от Удинского острогу в ближних местех». Обсуждение, к которому в Енисейске привлекались енисейские и селенгинские служилые люди, а также торговцы, не привело, однако, к сколько-нибудь кардинальным переменам, поскольку было высказано опасение, что ликвидация постоянного гарнизона в Селенгинске может привести к активизации монгольских набегов: «А из Селенгинского де острогу в Удинской служилых людей переводить не доведетца, потому что послышат де мугальские люди то служилых людей переселенье из Селенгинского в Удинской, и оттого б де в Мугальской земли какой шатости не было»⁷⁹ [ДАИ, 1869. С. 117–120; Актовые источники, 1995. С. 119, 120; Леонтьева, 2012. С. 51; Бураева, 2013. С. 29–30].

Некоторые изменения в административной системе Западного Забайкалья произошли лишь с созданием Иркутского уезда. Теперь иркутские воеводы стали назначать приказчиков из числа иркутских или забайкальских служилых людей в Селенгинск, Удинск, Баргузинск, Ильинский острог и Кабанскую слободу, которые, соответственно, были ему подотчетны. Но в Кучидский, Баунтовский и Ангарский остроги «начальных» людей по-прежнему направлял баргузинский приказчик.

Резюмируя вышеизложенное, констатируем, что в историографии содер­жится немало ошибочных, неточных или спорных трактовок административно-территориального устройства Забайкалья в 1650–1680-х годах.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 1121. Стб. 63. Л. 236.

Внимательный и критический анализ источников и литературы позволяет прийти к выводу, что попытка создания в восточной части региона в конце 1650-х годов Даурского / Нерчинского уезда успеха не имела. После этого Восточным Забайкальем с Итанцинским острогом (в Западном Забайкалье) до начала 1680-х годов управляли приказчики (в том числе стрелецкие и казачьи головы), сидевшие в Нерчинске и подчинявшиеся сначала тобольскому, затем енисейскому разрядному воеводе. Они напрямую через назначаемых ими приказчиков управляли Телембинским и Итанцинским острогами и опосредованно — через телембинского приказчика — Иргенским и Еравнинским острогами. С 1674 г. в реальном или формальном подчинении нерчинских приказчиков находился и Албазинский острог с подконтрольными ему приамурскими острогами и зимовьями.

В отличие от Восточного Забайкалья Западное Забайкалье не представляло собой одной административно-территориальной единицы, а было разделено на две части: северную с центром в Баргузинске, приказчику которого подчинялись назначаемые им «начальные (приказные) люди» Ангарского, Баунтовского и Кучидского острогов, и южную с центром в Селенгинске, приказчик которого через своих «приказных людей» управлял Удинском, Ильинской и Кабанской заимками / слободами. При этом селенгинский и баргузинский приказчики подчинялись енисейскому воеводе, за исключением короткого периода в конце 1660-х — первой половине 1670-х годов, когда Баргузинск находился в прямом ведении Сибирского приказа.

В 1680 г. Сибирский приказ запустил процесс реорганизации административно-территориального устройства Забайкалья (а также Приамурья). В Енисейском разряде был создан Нерчинский уезд, в который вошли Нерчинск, Телембинский, Иргенский, Еравнинский, Итанцинский и Аргунский остроги, приказчики которых назначались нерчинским воеводой. Попытка же создания в 1683–1686 гг. Албазинского уезда не удалась. Короткое время, формально с 1680 до 1683 г., в составе Енисейского разряда просуществовал и Селенгинский уезд, включавший в себя Предбайкалье и Западное Забайкалье (Селенгинск, Баргузинск, Удинск, Ангарский, Баунтовский и Кучидский остроги, Ильинскую и Кабанскую слободы). В 1688 г. был создан Иркутский уезд, в состав которого включили упомянутые западно-забайкальские остроги и слободы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера: описи копийных книг. Т. 2 / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1995. 305 с.

Акты исторические. СПб., 1842. Т. 4. III, 565, 8, 15, [1] с.; 1842. Т. 5. III, 539, 4, 17, [2] с.

Дополнения к актам историческим. СПб., 1848. Т. 3. VII, 539, 7, 9 с.; 1851. Т. 4. VII, 416, 11, 10 с.; 1853. Т. 5. VII, 510, 10, 7, [1] с.; 1857. Т. 6. VIII, 477, 15, 8 с.; 1859. Т. 7. X, 374, 5, 4, [1] с.; 1862. Т. 8. VIII, 350, 2, 6, [1] с.; 1875. Т. 9. VII, 353, [1], 2 с.; 1867. Т. 10. VIII, 504 с.; 1869. Т. 11. VIII, 8, 311; 1872. Т. 12. VIII, 14, 423, 24 с.

Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий / публ. Н. А. Найденов. М., 1883. [4], 92 с.

Иркутская летопись (Летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова) // Тр. ВСО ИРГО. Иркутск, 1911. № 5. 418 с.

Наказ Афанасию Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле // Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 15. Разд. 5. С. 1–37.

Первое столетие сибирских городов. XVII век (История Сибири. Первоисточники. Вып. 7) / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. 190 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи / отв. ред. А. П. Окладников, Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. 384 с.

Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. Т. 1 / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1969. 614 с.

Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы. Т. 2 / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. М.: Наука, 1972. 836 с.

Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сб. док. / сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., 1996. 560 с.

Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сб. док. / сост. Г. И. Слесарчук. М.: Вост. лит., М., 2000. 488 с.

Сборник документов по истории Бурятии. Вып. 1 / сост. Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. Улан-Удэ: [Б.и.], 1960. 493 с.

Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск / сост. Н. А. Найденов. М., 1886. 146 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Албазинский острог: история, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А. П. Забияко, А. Н. Черкасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.

Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1984. 272 с.

Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.

Андреевич В. К. Краткий очерк истории Забайкалья от древнейших времен до 1762 года. СПб., 1887. 237 с.

Артемьев А. Р. Воеводы и приказчики Нерчинского и Албазинского уездов во второй половине XVII века (Из истории кадровой политики царской администрации в Забайкалье и Приамурье) // Отечественная история. 2006. № 2. С. 3–11.

Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток: [Б. и.], 1999. 336 с.

Артемьев А. Р. Из истории Нерчинска // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Ист.-археол. иссл.): сб. науч. ст. Т. 2. Владивосток: ДВО РАН, 1995. С. 90–115.

Артемов А. Р. Из истории управления Нерчинским и Албазинским уездами во второй половине XVII в. // Сибирь: проблемы истории повседневности XVII–XX вв.: сб. науч. ст. Новосибирск: [Б. и.], 2005. С. 10–23.

Артемов А. Р. Иргенский острог // Освоение Северной Пацифики: сб. науч. ст. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. С. 212–228.

Багрин Е. А. Вооруженные силы России в Даурии (1649–1727 гг.). СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 771 с.

Багрин Е. А. Нерчинский приказчик П. Я. Шульгин: воин и дипломат // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 1: История. С. 44–56.

Балданов С. С. Административное управление Российским государством Бурятией (конец XVII в. – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005. 134 с.

Барахович П. Н. Казачьи головы в центральной Сибири XVII – начала XVIII столетия (Енисейск, Красноярск) // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та. 2014. № 4. С. 151–157.

Барахович П. Н. Служилое население центральной Сибири в XVII столетии (Енисейский и Красноярский уезды): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2016. 438 с.

Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. 611 с.

Бродников А. А. Енисейск против Красноярска: из истории борьбы гарнизонов за ясачные территории в XVII в. // Сибирь в XVII–XX веках: проблемы политической и социальной истории: сб. науч. ст. Новосибирск, 2002. С. 19–30.

Бродников А. А. К вопросу о механизме образования уезда // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв.: сб. науч. ст. Новосибирск: [Б.и.], 2018. С. 67–76.

Бродников А. А. Территория Якутского уезда: к вопросу об образовании якутского воеводства [XVII в.] // Социокультурное развитие Сибири XVII–XX века: сб. науч. ст. Новосибирск: [Б. и.], 1998. С. 3–11.

Бураева О. В. Новое в истории Удинского зимовья / острога // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 1. С. 29–30.

Васильев А. П. Забайкальские казаки. Ист. очерк. Т. 1. Чита, 1916. 232+66 с.

Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург: Муницип. учеб.-методич. центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.

Власть в Сибири: XVI – начало XX в. / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 696 с.

Внешняя политика государства Цин в XVII веке / отв. ред. Л. И. Думан. М.: Наука, 1977. 385 с.

Горский А. А. Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019. 416 с.

Градовский А. Д. История местного управления в России. Т. 1. СПб., 1868. СХVII+384+XIII с.

Дёмин Э. В. «Золотая россыпь» Селенгинска: ист.-краевед. очерки. Кн. 1. Улан-Удэ: НоваПринт, 2009. 316 с.

Дёмин Э. В. Первый воевода Селенгинска – царский стольник Иван Власов. Улан-Удэ: Полигран, 2016. 64 с.

- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.
- Залкин Д. Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 320 с.
- Зубов В. Е. Государственный аппарат и управление Сибири (конец XVI – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2009. 244 с.
- Иванов В. Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск: Наука, 1999. 199 с.
- Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири / ред. В. П. Сукачев. М., 1891. 269 с.
- Иркутский край. Четыре века: история Иркутской губернии (области). XVII–XXI вв. / гл. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск: Востсибкнига, 2012. 800 с.
- История Бурятии. Т. 2 / отв. ред. Б. В. Базаров; науч. ред. О. В. Бураева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
- История казачества азиатской России. Т. 1 / отв. ред. Н. А. Миненко. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 317 с.
- История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1. / отв. ред. Ф. В. Соловьев. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1987. 424 с.
- История Сибири. Т. 3 / отв. ред. А. Х. Элерт, М. В. Шиловский. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. 812 с.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2 / ред. В. И. Шунков. Л.: Наука, 1968. 538 с.
- Каменецкий И. П. «Государевы службы» воеводы Ивана Власова в Восточной Сибири в 1680-е гг. // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. Новосибирск, 2023б. С. 113–125.
- Каменецкий И. П. Служилые люди Сибири XVII – начала XVIII в. Исторические портреты и очерки. Тобольск: Тюмен. регион. обществ. благотворит. фонд «Возрождение Тобольска», 2023а. 472 с.
- Копылов А. Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI – XVII в. // Известия СО АН СССР. 1965. № 9. Серия обществ. наук. Вып. 3. С. 80–88.
- Кудрявцев Ф. А., Вендрих Г. А. Иркутск. Очерки истории города. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1958. 515 с.
- Леонтьева Г. А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: МПГУ, 2012. 320 с.
- Никитин Н. И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск: Наука, 1988. 255 с.
- Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 4. М., 1901. 287+[1] с.
- Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 424+[3] с.
- Павлинская Л. Р. Буряты. Очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). СПб.: Европейский дом, 2008. 256 с.

Паршин В. П. Поездка в Забайкальский край. Ч. 2. М., 1844. 208 с.

Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв.: очерки истории / отв. ред. А. П. Павлов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 548 с.

Пузанов В. Г. Род Толбузиных – воевод Забайкалья в XVII веке // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф. Ч. 2. Чита: Забайк. гос. ун-т, 2017. С. 31–35.

Разумов Н. И. Забайкалье. Свод материалов высочайше учрежденной комиссии для исследования местного землевладения и землепользования, под председательством статс-секретаря Куломзина. СПб., 1899. 373 с.

Самрина Е. В. Борьба сибирских острогов за право сбора ясака у коренных народов Южной Сибири в XVII в. // Гуманит. научные исследования. 2012. № 11. URL: <http://human.snauka.ru/2012/11/1967> (дата обращения: 26.04.2025).

Солодкин Я. Г. Институт временного воеводства в Сибири XVII в. // Вопросы истории. 2019. № 12–1. С. 195–203.

Солодкин Я. Г. О сословной принадлежности воевод и письменных голов Сибири конца XVI – начала XVII вв. // Население. Управление. Экономика. Культурная жизнь Сибири XVIII – начала XX вв.: сб. ст. Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2003. С. 74–81.

Солодкин Я. Г. Первые государевы воеводы в Сибири // Военно-исторический журнал. 2011. № 11. С. 48–51.

[Спасский Г. И.] О чудских копиях // Сибирский вестник. СПб., 1819. Ч. 7. С. 1–28.

Трошин А. К. Иван Евстафьевич Власов: Воевода-рудознатец XVII в. М.: Изд во АН СССР, 1963. 48 с.

Трошин А. К. Леонтий Константинович Кислянский // Тр. ин-та истории естествознания и техники. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 206–210.

Трухин В. И. Административно-территориальное устройство Приамурских земель в составе Русского государства в XVII веке // Известия Лаборатории древних технологий. 2020а. Т. 16. № 3. С. 150–161.

Трухин В. И. Албазинская городская ясачная печать: новые документы, основные вехи истории и результаты исследований // Амурский краевед. Благовещенск, 2025. № 41. С. 34–50.

Трухин В. И. Албазинский острог: от «рописи» до «рописи» // Сборники Президентской библиотеки. Вып. 5. История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых: сб. науч. тр. / [науч. ред.: Н. В. Дунаева, С. Г. Кащенко]. СПб.: Президентская библиотека, 2020б. С. 200–215.

Трухин В. И. К вопросу о времени получения Албазинским острогом статуса государственного // Материалы межрегион. конф. «XVI Дорохинские чтения». Благовещенск: Амурск. обл. краевед. музей им. Г. С. Новикова–Даурского, 2024. С. 11–19.

Трухин В. И. Командно-административный состав органов управления Албазинского острога // Материалы межрегион. конф. «XV Дорохинские чтения». Благовещенск: Амурск. обл. краевед. музей им. Г. С. Новикова–Даурского, 2023б. С. 61–72.

Трухин В. И. Первая Даурская служба Алексея Толбузина // Материалы межрегион. конф. «XII Дорохинские чтения». Благовещенск: Амурск. обл. краевед. музей им. Г. С. Новикова–Даурского, 2019. С. 13–24.

Трухин В. И. Приказные люди и органы местного управления русского государства на территории Приамурья в XVII веке // Амурское казачество: вчера и сегодня: материалы V межрегион. науч.-практич. конф. Благовещенск: Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьева-Амурского, 2023а. С. 26–40.

Христосенко Г. А. К истории заселения Нерчинского острога // История городов Сибири досоветского периода: [сб. ст.]. Новосибирск: Наука, 1977. С. 153–175.

Чичерин Б. Н. Областные учреждения в России в XVII веке. М., 1856. III, 591 с.

Шиловский Д. М., Шиловский М. В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI – начало XXI в.). Новосибирск: НГУЭУ, 2018. 347 с.

Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 432 с.

Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Иркутск, 1883. 779 с.

Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. Т. 1 / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2002. 302 с.

Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 235 с.

REFERENCES

Albazinskii ostrog: Istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamur'ya [The Albazin Fort: History, Archaeology, and Anthropology of the Peoples of the Amur Region] / ed.-in-chief A. P. Zabiyaiko, A. N. Cherkasov. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN, 2019, 348 s. (In Russ.).

Aleksandrov V. A. Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.) [Russia on the Far Eastern Borders (Second Half of the 17th Century)]. Khabarovsk, Khabarov. kn. izd-vo, 1984, 272 p. (In Russ.).

Aleksandrov V. A., Pokrovskii N. N. Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v. [Power and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 401 p. (In Russ.).

Andrievich V. K. Kratkii ocherk istorii Zabaikal'ya ot drevneishikh vremen do 1762 goda [A Brief Outline of the History of Transbaikalia from Ancient Times to 1762]. St. Petersburg, 1887, 237 p. (In Russ.).

Artem'ev A. R. Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII – XVIII v. [Towns and Forts of Transbaikalia and the Priamurye in the Second Half of the 17th–18th Centuries]. Vladivostok, 1999, 336 p. (In Russ.).

Artem'ev A. R. Irgenskii ostrog [Irgen' Fort]. In: Osvoenie Severnoi Patsifiki: sb. nauch. st. [Development of the North Pacific: Collection of Scientific Articles]. Vladivostok, Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1996, pp. 212–228. (In Russ.).

Artem'ev A. R. Iz istorii Nerchinska [From the History of Nerchinsk]. In: Russkie pervoprokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. (Ist.-arkheol. issl.): sb. nauch. st. [Russian Pioneers in the Far East in the 17th–19th Centuries (Historical and Archaeological Research): Collection of Scientific Articles.]. Vol. 2. Vladivostok, DVO RAN, 1995, pp. 90–115. (In Russ.).

Artem'ev A. R. Iz istorii upravleniya Nerchinskim i Albazinskim uezdami vo vtoroi polovine XVII v. [From the History of the Administration of the Nerchinsk and Albazin Uyezds in the

Second Half of the 17th Century]. In: *Sibir': problemy istorii povsednevnosti XVII–XX vv.: sb. nauch. st. [Siberia: Problems of the History of Everyday Life in the 17th–20th Centuries: Collection of Scientific Articles]*. Novosibirsk, 2005, pp. 10–23. (In Russ.).

Artem'ev A. R. Voevody i prikazchiki Nerchinskogo i Albazinskogo uezdov vo vtoroi polovine XVII veka (Iz istorii kadrovoy politiki tsarskoi administratsii v Zabaikal'e i Priamur'e) [Voyevodes (Town Governors) and Prikazchiks (Department Heads) of the Nerchinsk and Albazin Uyezds (Regions) in the Second Half of the 17th Century (From the History of the Tsarist Administration's Personnel Policy in Transbaikal and the Amur Areas)]. *Otechestvennaya istoriya [National History]*, 2006, no. 2, pp. 3–11. (In Russ.).

Bagrin E. A. Nerchinskii prikazchik P. Ya. Shul'gin: voyn i diplomat [Nerchinsk Executive Officer P. Ya. Shulgin: Warrior and Diplomat]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 1: History, pp. 44–56. (In Russ.).

Bagrin E. A. Vooruzhennyye sily Rossii v Daurii (1649–1727 gg.) [The Armed Forces of Russia in Dauria (1649–1727)]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGETU «Leti», 2024, 771 p. (In Russ.).

Baldanov S. S. Administrativnoe upravlenie Rossiiskim gosudarstvom Buryatii (konets XVII v. – nachalo XX v.) [Administrative Governance of the Russian State in Buryatia (Late 17th Century – Early 20th Century)]. Ulan-Ude, Izd-vo VSGTU, 2005, 134 p. (In Russ.).

Barakhovich P. N. Kazach'i golovy v tsentral'noi Sibiri XVII – nachala XVIII stoletiya (Eniseisk, Krasnoyarsk) [Cossacks Heads in Central Siberia in 17th – the Beginning of 18th Centuries (Yeniseisk, Krasnoyarsk)]. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*, 2014, no. 4, pp. 151–157. (In Russ.).

Barakhovich P. N. Sluzhiloe naselenie tsentral'noi Sibiri v XVII stoletii (Eniseiskii i Krasnoyarskii uezdy) [The Servicemen of Central Siberia in the 17th Century (Yenisei and Krasnoyarsk Uyezds)]. Diss. Cand. Hist. Sci, Krasnoyarsk, 2016, 438 p. (In Russ.).

Barsukov A. P. Spiski gorodovykh voevod i drugikh lits voevodskogo upravleniya Moskovskogo gosudarstva XVII stoletiya [Lists of Town's Voyevodas and Other Personnel of the Voyevoda Administration of the Muscovite State in the 17th Century]. St. Petersburg, 1902, 611 p. (In Russ.).

Brodnikov A. A. Eniseisk protiv Krasnoyarska: Iz istorii bor'by garnizonov za yasachnye territorii v XVII v. [Yeniseisk Versus Krasnoyarsk: From the History of the Struggle of Garrisons for Yasak Territories in the 17th Century]. In: *Sibir' v XVII–XX vekakh: Problemy politicheskoi i sotsial'noi istorii: sb. nauch. st. [Siberia in the 17th–20th Centuries: Problems of Political and Social History: Collection of Scientific Articles]*. Novosibirsk, 2002, pp. 19–30. (In Russ.).

Brodnikov A. A. K voprosu o mekhanizme obrazovaniya uezda [On the Question of the Mechanism of Uyezd Formation]. In: *Traditsii russkoi dukhovnoi kul'tury v pamyatnikakh pis'mennosti XVI–XX vv.: sb. nauch. st. [Traditions of Russian Spiritual Culture in Written Sources of the 16th–20th Centuries: Collection of Scientific Articles]*. Novosibirsk, 2018, pp. 67–76. (In Russ.).

Brodnikov A. A. Territoriya Yakutskogo uezda: k voprosu ob obrazovanii yakutskogo voevodstva [XVII v.] [The Territory of the Yakut Uyezd: On the Question of the Formation of the Yakut Voyevodstvo [17th Century]]. In: *Sotsiokul'turnoe razvitie Sibiri XVII–XX veka: sb. nauch. st. [Socio-Cultural Development of Siberia in the 17th–20th Centuries: Collection of Scientific Articles]*. Novosibirsk, 1998, pp. 3–11. (In Russ.).

Buraeva O. V. Novoe v istorii Udinskogo zimov'ya / ostroga [New in the History of Uda Winterin / Burg]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 1: History, pp. 29–30. (In Russ.).

Chicherin B. N. Oblastnye uchrezhdeniya v Rossii v XVII veke [Oblast Institutions in Russia in the 17th Century]. Moscow, 1856, III, 591 p. (In Russ.).

Demin E. V. Pervyi vovoda Selenginska – tsarskii stol'nik Ivan Vlasov [The First Voyevoda of Selenginsk – Tsar's Stolnik Ivan Vlasov]. Ulan Ude, Poligran, 2016, 64 p. (In Russ.).

Demin E. V. «Zolotaya rossyp» Selenginska: Ist.-kraeved. Ocherki [“The Golden Placer” of Selenginsk: Historical and Local History Essays]. Book 1. Ulan-Ude, NovaPrint, 2009, 316 p. (In Russ.).

Dolgikh B. O. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII v. [Kin and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1960, 621 p. (In Russ.).

Entsiklopediya Zabaikal'ya: Chitinskaya oblast' [Encyclopedia of Transbaikalia: Chita Oblast]. Vol. 1 / ed. R. F. Geniatulin. Novosibirsk, Nauka, 2002, 302 p. (In Russ.).

Gorskii A. A. Russkoe srednevekovoe obshchestvo: istoriko-terminologicheskii spravochnik [Russian Medieval Society: Historical and Terminological Handbook]. St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko, 2019, 416 p. (In Russ.).

Gradovskii A. D. Istoriya mestnogo upravleniya v Rossii [History of Local Administration in Russia]. Vol. 1. St. Petersburg, 1868. CXVII+384+XIII s. (In Russ.).

Irkutsk. Ego mesto i znachenie v istorii i kul'turnom razvitii Vostochnoi Sibiri [Irkutsk. Its Place and Significance in the History and Cultural Development of Eastern Siberia] / ed. V. P. Sukachev. Moscow, 1891, 269 p. (In Russ.).

Irkutskii krai. Chetyre veka: Istoriya Irkutskoi gubernii (oblasti). XVII–XXI vv. [Irkutsk Krai. Four Centuries: History of Irkutsk Governorate (Oblast). 17th–21st Centuries] / ed. L. M. Dameshek. Irkutsk, Vostsibkniga, 2012, 800 p. (In Russ.).

Istoriya Buryatii [History of Buryatia]. Vol. 2 / ed. B. V. Bazarov; sci. ed. O. V. Buraeva. Ulan-Ude, Izd-vo BNTs SO RAN, 2011, 624 p. (In Russ.).

Istoriya kazachestva aziatskoi Rossii [History of the Cossacks of Asian Russia]. Vol. 1 / ed. N. A. Minenko. Ekaterinburg, UrO RAN, 1995, 317 p. (In Russ.).

Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya XVII–XX vv. [History of Northeast China in the 17th–20th Centuries]. Book 1 / ed. F. V. Solov'ev. Vladivostok, Dal'nevost. kn. izd-vo, 1987, 424 p. (In Russ.).

Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Vol. 3 / ed. A. Kh. Elert, M. V. Shilovskii. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN, 2023, 812 p. (In Russ.).

Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Siberia from Ancient Times to the Present Days]. Vol. 2 / ed. V. I. Shunkov. St. Petersburg, Nauka, 1968, 538 p. (In Russ.).

Ivanov V. N. Vkhozhdenie Severo-Vostoka Azii v sostav Russkogo gosudarstva [The Incorporation of Northeast Asia into the Russian State]. Novosibirsk, Nauka, 1999, 199 p. (In Russ.).

Kamenetskii I. P. «Gosudarevy sluzhby» vovody Ivana Vlasova v Vostochnoi Sibiri v 1680-e gg. [“Sovereign's Service Appointments” of Voyevoda Ivan Vlasov in Eastern Siberia in the 1680s]. In: Pamyat' o proshlom v pis'mennykh istochnikakh XVII–XX vv. [Memory of the Past in Written Sources of the 17th–20th Centuries]. Novosibirsk, 2023b, pp. 113–125. (In Russ.).

Kamenetskii I. P. Sluzhilye lyudi Sibiri XVII – nachala XVIII v. Istoricheskie portrety i ocherki [Servicemen of Siberia in the 17th – Early 18th Centuries. Historical Portraits and Essays]. Tobol'sk, Tyumenskii regional'nyi obshchestvennyi blagotvoritel'nyi fond «Vozrozhdenie Tobol'ska», 2023a, 472 p. (In Russ.).

Khristosenko G. A. K istorii zaseleniya Nerchinskogo ostroga [On the History of the Settlement of the Nerchinsk Fort]. In: *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda: [sb. st.] [History of Siberian Cities in the Pre-Soviet Period: [Collection of Articles]]*. Novosibirsk, Nauka, 1977, pp. 153–175. (In Russ.).

Kopylov A. N. Organy tsentral'nogo i voevodskogo upravleniya Sibiri v kontse XVI – XVII v. [Organs of Central and Voevoda's Administration of Siberia in the Late 16th-17th Centuries]. *Izvestiya SO AN SSSR [Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences]*, 1965, no. 9. *Seriya obshchestv. nauk [Social Sciences Series]*, iss. 3, pp. 80–88. (In Russ.).

Kudryavtsev F. A., Vendrikh G. A. Irkutsk. Ocherki istorii goroda [Irkutsk. Essays on the History of the City]. Irkutsk, Irkut. kn. izd-vo, 1958, 515 p. (In Russ.).

Leont'eva G. A. Sluzhilye lyudi v Vostochnoi Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII vv. (po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uezdov) [Servicemen in Eastern Siberia in the Second Half of the 17th – First Quarter of the 18th Centuries (Based on Materials from the Irkutsk and Nerchinsk Uyezds)]. Moscow, MPGU, 2012, 320 p. (In Russ.).

Nikitin N. I. Sluzhilye lyudi v Zapadnoi Sibiri XVII v. [Servicemen in Western Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 255 p. (In Russ.).

Ogloblin N. N. Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.) [Review of the Rolls and Books of the Siberian Prikaz (1592–1768)]. P. 4. Moscow, 1901, 287+[1] p. (In Russ.).

Okladnikov A. P. Ocherki iz istorii zapadnykh buryat-mongolov (XVII–XVIII vv.) [Essays from the History of the Western Buryat-Mongols (17th-18th Centuries)]. Leningrad, Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1937, 424+[3] p. (In Russ.).

Parshin V. P. Poezdka v Zabaikal'skii krai [Trip to the Transbaikalian Krai]. P. 2. Moscow, 1844, 208 p. (In Russ.).

Pavlinskaya L. R. Buryaty. Ocherki etnicheskoi istorii (XVII–XIX vv.) [The Buryats. Essays on Ethnic History (17th-19th Centuries)]. St. Petersburg, Evropeiskii dom, 2008, 256 p. (In Russ.).

Pravyashchaya elita Russkogo gosudarstva IX – nachala XVIII vv.: Ocherki istorii [The Ruling Elite of the Russian State from the 9th to the Early 18th Centuries: Historical Essays] / ed. A. P. Pavlov. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2006, 548 p. (In Russ.).

Puzanov V. G. Rod Tolbuzinykh – voevod Zabaikal'ya v XVII veke [The Tolbuzin Family – Voevodes of Transbaikalia in the 17th Century]. In: *Prigranichniy region v istoricheskom razviti: partnerstvo i sotrudnichestvo: materialy mezhdunar. nauch. konf. [Border Region in Historical Development: Partnership and Cooperation: Proceedings of the International Scientific Conference]*. Pt. 2. Chita, Zabaik. gos. un-t, 2017, p. 31–35. (In Russ.).

Razumov N. I. Zabaikal'e. Svod materialov vysochaishe uchrezhdennoi komissii dlya issledovaniya mestnogo zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya, pod predsedatel'stvom statssekretarya Kulomzina [Transbaikalia. Code of Materials of the Highly Established Commission for the Study of Local Land Tenure and Land Use, Under the Chairmanship of State Secretary Kulomzin]. St. Petersburg, 1899, 373 p. (In Russ.).

Samrina E. V. Bor'ba sibirskikh ostrogov za pravo sbora yasaka u korennykh narodov Yuzhnoi Sibiri v XVII v. [The Struggle of Siberian Forts for the Right to Collect Yasak from the Indigenous Peoples of Southern Siberia in the 17th Century]. *Gumanit. nauchnye issledovaniya [Humanities scientific researches]*, 2012, no. 11. URL: <http://human.snauka.ru/2012/11/1967> (accessed 26.04.2025). (In Russ.).

Shcheglov I. V. Khronologicheskii perechen' vazhneishikh dannykh iz istorii Sibiri. 1032–1882 gg. [Chronological List of the Most Important Data from the History of Siberia. 1032–1882]. Irkutsk, 1883, 779 p. (In Russ.).

Shilovskii D. M., Shilovskii M. V. Administrativno-territorial'noe ustroistvo i upravlencheskii apparat Aziatskoi Rossii (konets XVI – nachalo XXI v.) [Administrative-Territorial Organization and Management Apparatus of Asian Russia (Late 16th – Early 21st Century)]. Novosibirsk, NGUEU, 2018, 347 p. (In Russ.).

Shunkov V. I. Ocherki po istorii zemledeliya Sibiri (XVII vek) [Essays on the History of Agriculture in Siberia (17th Century)]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1956, 432 p. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. Institut vremennogo vovodstva v Sibiri XVII v. [The Institute of Interim Voivode Governance in Siberia in the 17th Century]. *Voprosy istorii*, 2019, no. 12–1, pp. 195–203. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. O soslovnoi prinadlezhnosti voevod i pis'mennykh golov Sibiri kontsa XVI – nachala XVII vv. [On the Social Origin of Voyevodes and Chancery Chiefs of Siberia in the Late 16th – Early 17th Centuries]. In: *Naselenie. Upravlenie. Ekonomika. Kul'turnaya zhizn' Sibiri XVIII – nachala XX vv.: sb. st.* [Population. Administration. Economy. Cultural Life of Siberia in the 18th – Early 20th Centuries: Collected Articles]. Barnaul, Izd-vo Altai. un-ta, 2003, pp. 74–81. (In Russ.).

Solodkin Ya. G. Pervye gosudarevy vovody v Sibiri [The First Tsar's Voyevodes in Siberia]. *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military Historical Journal], 2011, no. 11, pp. 48–51. (In Russ.).

[Spasskii G. I.] O chudskikh kopyakh [On Chud Mines]. *Sibirskii vestnik* [Siberian Bulletin]. St. Petersburg, 1819, pt. 7, pp. 1–28. (In Russ.).

Troshin A. K. Ivan Evstaf'evich Vlasov: Vovoda-rudoznatets XVII v. [Ivan Evstaf'evich Vlasov: Voyevoda-Prospector of the 17th Century]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1963, 48 p. (In Russ.).

Troshin A. K. Leontii Konstantinovich Kislyanskii [Leontii Konstantinovich Kislyanskii]. In: *Trudy instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Proceedings of the Institute of the History of Natural Science and Technology]. Vol. 3. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1955, pp. 206–210. (In Russ.).

Trukhin V. I. Administrativno-territorial'noe ustroistvo Priamurskikh zemel' v sostave Russkogo gosudarstva v XVII veke [Administrative-Territorial Structure of the Amur Lands as Part of the Russian State in the 17th Century]. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*, 2020a, vol. 16, no. 3, pp. 150–161. (In Russ.).

Trukhin V. I. Albazinskaya gorodovaya yasachnaya pechat': novye dokumenty, osnovnye vekhi istorii i rezul'taty issledovaniy [The Albazin Town Yasak Seal: New Documents, Main Historical Milestones, and Research Results]. *Amurskii kraeved* [Amur Local Historian]. Blagoveshchensk, 2025, no. 41, pp. 34–50. (In Russ.).

Trukhin V. I. Albazinskii ostrog: ot «rospisi» do «rospisi» [Albazin Ostrog: From One “Description Lists” to Another “Description Lists”]. In: *Sborniki Prezidentskoi biblioteki. Vyp. 5. Istoriya Rossii, Vengrii i Kitaya v issledovaniyakh sovremennykh uchenykh: sb. nauch. tr.* [Collection of the Presidential Library. Vol. 5. History of Russia, Hungary, and China in the Research of Modern Scholars: Collection of Scientific Papers]. St. Petersburg, Prezidentskaya biblioteka, 2020b, pp. 200–215. (In Russ.).

Trukhin V. I. Prikaznye lyudi i organy mestnogo upravleniya russkogo gosudarstva na territorii Priamur'ya v XVII veke [Chancery Officials and Local Government Bodies of the Russian State in the Amur Region in the 17th Century]. In: *Amurskoe kazachestvo: vchera i segodnya:*

materialy V mezhregion. nauch.-praktich. konf. [The Amur Cossacks: Yesterday and Today: Proceedings of the 5th Interregional Scientific and Practical Conference]. Blagoveshchensk, 2023a, pp. 26–40. (In Russ.).

Trukhin V. I. K voprosu o vremeni polucheniya Albazinskim ostrogom statusa gosudarstvennogo [On the Question of When the Albazin Fort Received State Status]. In: Materialy mezhregion. konf. «XVI Dorokhinskie chteniya» [Proceedings of the Interregional Conference “16th Dorokhin’s Readings”]. Blagoveshchensk, Amursk. obl. kraeved. muzei im. G. S. Novikova–Daurskogo, 2024, pp. 11–19. (In Russ.).

Trukhin V. I. Komandno-administrativnyi sostav organov upravleniya Albazinskogo ostroga [Military and Administrative Staff of the Governing Bodies of the Albazin Fort]. In: Materialy mezhregion. konf. «XV Dorokhinskie chteniya» [Proceedings of the Interregional Conference “15th Dorokhin Readings”]. Blagoveshchensk, Amursk. obl. kraeved. muzei im. G. S. Novikova–Daurskogo, 2023b, pp. 61–72. (In Russ.).

Trukhin V. I. Pervaya Daurskaya sluzhba Alekseya Tolbuzina [Alexei Tolbuzin’s First Service Appointment in Dauria]. In: Materialy mezhregion. konf. «XII Dorokhinskie chteniya» [Proceedings of the Interregional Conference “12th Dorokhin’s Readings”]. Blagoveshchensk, Amursk. obl. kraeved. muzei im. G. S. Novikova–Daurskogo, 2019, pp. 13–24. (In Russ.).

Vasil’ev A. P. Zabaikal’skie kazaki. Ist. Ocherk [Transbaikalian Cossacks. Historical Essay]. Vol. 1. Chita, 1916. 232+66 p. (In Russ.).

Vershinin E. V. Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek) [Voyevoda Administration in Siberia (17th Century)]. Ekaterinburg, Munitsip. ucheb.-metodich. tsentr “Razvivayushchee obuchenie”, 1998, 204 s. (In Russ.).

Vlast’ v Sibiri: XVI – nachalo XX v. [Power in Siberia: 16th – Early 20th Century] / comp. by M. O. Akishin, A. V. Remnev. Novosibirsk, Sova, 2005, 696 p. (In Russ.).

Vneshnyaya politika gosudarstva Tsin v XVII veke [Foreign Policy of the Qing State in the 17th Century] / ed. L. I. Duman. Moscow, Nauka, 1977, 385 p. (In Russ.).

Yakovleva P. T. Pervyi rusско-kitaiskii dogovor 1689 goda [The First Russian-Chinese Treaty of 1689]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958, 235 p. (In Russ.).

Zalkind E. M. Prisoedinenie Buryatii k Rossii [The Incorporation of Buryatia into Russia]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo, 1958, 320 p. (In Russ.).

Zubov V. E. Gosudarstvennyi apparat i upravlenie Sibiri (konets XVI – nachalo XX v.) [State Apparatus and Administration of Siberia (Late 16th – Early 20th Century)]. Novosibirsk, Izd-vo SibAGS, 2009, 244 p. (In Russ.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ – Акты исторические.

ДАИ – Дополнения к актам историческим.

НИА СПбИИ – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (г. Санкт-Петербург).

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

РКО – Русско-китайские отношения в XVII в.

РМО – Русско-монгольские отношения.

СДИБ – Сборник документов по истории Бурятии.

СПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал архива РАН (г. Санкт-Петербург).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

ЗУЕВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, директор научно-образовательного центра «Наследие», директор Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск, Россия, zuev@lab.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>, Scopus Author ID: 56765493200, SPIN-код автора: 6042-1434.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ANDREY S. ZUEV, Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of the Section of Russian History, Director of the Scientific and Educational Center “Heritage”, Director of the Institute for the Humanities of the Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, zuev@lab.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2465-380X>, Scopus Author ID: 56765493200, SPIN-code: 6042-1434.

Статья поступила в редакцию 01.09.2025;
одобрена после рецензирования 17.10.2025;
принята к публикации 20.10.2025.

The article was submitted on 01.09.2025;
approved after reviewing on 17.10.2025;
accepted for publication on 20.10.2025.